

СЕРГЕЙ РУССКИХ-СЕВЕР

Мужчина с биографией

ИЗБРАННОЕ

Сергей Русских-Север

Мужчина с биографией.

Избранное

«Издательские решения»

Русских-Север С.

Мужчина с биографией. Избранное / С. Русских-Север —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904598-0

Друзья мои, в этой книге Вы найдёте: автобиографический роман, прозу, поэмы, стихи, публицистику. Счастлив, что мы с вами соседи в этой Вселенной.

ISBN 978-5-44-904598-0

© Русских-Север С.
© Издательские решения

Содержание

Автобиография	6
Детство	7
Отрочество	8
Юность	9
Зрелость	10
Иду с Урала не по млечному Пути	13
Шрамы Юности	14
Глава 1. Начало	14
Глава 2. Сууурприз	23
Глава 3. Вовка Попович	28
Глава 4. Юрик	31
Глава 5. Институт	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мужчина с биографией Избранное

Сергей Русских-Север

© Сергей Русских-Север, 2018

ISBN 978-5-4490-4598-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей Валентинович Русских

Родился 5 июля 1963 года г. Пермь

Автобиография

Детство

Пел Всегда. С 6 лет на всевозможных мероприятиях. Где за яблочко-конфетку, где за Грамоту, где просто так, потому, что петь Любил, и пел Хорошо. Был Дар. Богом даденный Дар. Настоящий. До 3го класса пел на всех школьных мероприятиях и никто не мог понять, почему вдруг выступают слезы и у того маленького худенького мальчика, который так звонко поет «Бухенвальдский Набат», и у взрослых, которые сидят в актовом зале и шумно сморкаются уже после первого куплета. Говорили -Пермский Робертино Лоретти..... В Москве был Сережа Парамонов, в Перми – Сережа Русских. Мама много работала и постоянно некогда было...,пока мамина подруга просто уже за руку не взяла и не привела в Пермскую Академическую Хоровую Школу Мальчиков. А там – конкурс... не смотря на 20 рублей ежемесячной оплаты (большие, между прочим, деньги тогда...) Спел одну песню, вторую.....-А где же, Вы Мамаша до сих пор были то?.....Первый дискант. Сразу солист. Гастроли, гастроли, гастроли... Играл детей в «Кармен», в «Опричнике» в Театре Оперы и балета. 5 дней в неделю – Хор, помимо хора – фортепьяно, баян, сольфеджио, история музыки. А пацаны на улице интересно так живут. Курят, поджиги, карты, райончик-то не из благополучных.

Отрочество

В 7м – гитара, в 8м – первый ансамбль. «Уан Уэй Тикетс.....Москоу, москоу, Дип Перпл, Чингисхан.....Джони, о ееее».....Супер-звезды микрорайона. Девченки называли – «постельный мальчик». Период «Уличных бойцов», драки, самоутверждение, в ресторане на подмену, потом постоянно...

«Летний вечер теплый самый.....», «О Бэлладонна....» Ответим на все вопросы!!! Джинсы, спекуляция. Драки. Клеш 30 см. Первый Плейбой. «Бура... Сека...» Бог отвел! Наверное потому, что Дар был.

Юность

АРМИЯ. ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛАЯ. ВЕЗЕТ ВСЕ РАВНО. ЖИВОЙ. Жора-друг. Слышь, браток! А ты где сейчас!? Плюем на дверь КПП, Домой, домой, плачем на вокзале.....женщины недоуменно тоже, скорей за компанию. На завод?! НОУ! В Институт Культуры!

А потом – Просто Рай! Слава Богу. Просто в Рай вместе с лучшей группой Перми. Супер – музыканты! Все сначала! «Карнавал», «Динамик» на танцах, для обучения – Эл Дже-роу, Уеза Рипорт, Стэнли Кларк, Бенсон, Вандер.....

Алушта, Центральная площадка Южного Берега Крыма, досрочные сессии, зачеты, экзамены, и..... Туда, а там уже ждут! Крым, 5 лет, солист, все фестивали

– лауреатские! Супер-звезды Южного Берега Крыма. Стакан вина 20 коп., стакан пива – 10 коп. Не пили совсем, сухой закон в коллективе. Лучшие потому что, амбициозные! Днем спасатели на пляже «Интурист» (.....куда все просто вожделеют попасть.....), вечером – обыкновенные «Супер-звезды!»

Уже Москва манит и тянет, но пока рано видимо было.

Перестройка. Пермь зимой, институт. Разные коллективы. «Индексб14», «Дебют», «Именины». Руководитель. Первые ссуды на аппаратуру. Контакты в Москве, Боня Титомир, вместе торгуем дублинками-пропитками. «Академики» на съемной квартире на «Бабушкинской» с куриной ногой в пустом холодильнике. Первый клип «Я по деревням хожу-брожу...». Ванька Охлобыстин -поэт и распи.....йА ссуду отдавать надо.

.Поехали по Венгриям-Польшам-Югославиям-Франциям-Америкам-Австралиям.....42 страны.

Зрелость

Москва. Пригласили, просто «ногами в жир попал», товарищи-миллионеры. Все бросил, приехал, через год кураж закончился, все отняли у товарищей. 2 ГОДА ДЕПРЕССИИ-ОЖИДАНИЯ! 2 ГОДА ПУСТЫХ ОБЕЩАНИЙ И НАДЕЖД! Трава-мурава, Марья Ивановна. Бог отвел, потому, что Дар был наверное.

Надо брать себя в руки, взял, Ваня Охлобыстин нашелся, Стал его продюсировать, Ролан Антонович Быков – МАСТЕР, работаем у него.-..... Ты, Вань, верь этому Пермскому, он злой, но честный! — *(Ролан Антонович)*

Каннский Фестиваль. Внеконкурсный показ фильма «Нога». Бахыт Килибаев – класс Рекламы, масса разных персонажей, знакомства, знакомства.....приемы, движение.

– Слышишь, так ты баллотируйся в Госдуму! — *(Бахыт Килибаев)*

Интересный период, остренький такой, за 2 месяца – 2й по мажелитарке в округе, устраивал предвыборные шоу, режиссура воздействия на электорат, трава-мурава, разные приключения, интересно.....

Снова Москва.

– Серый, раскумариться хочешь? Конечно! Ну давай ко мне! У меня Гарик Сукачев, раскумарит! — *(Ванька Охлобыстин)*

– Слышь, а что так мало? Децл – нам же мало будет!?

– Нормально, ты дуй давай- *(СУКАчев)*

Сделал 3 затяжки. Потерялся совсем, думал все... Кое как до дома добрел. Наркоманы говорят – «Зарницы»!

Два светящихся шара. Проводники. Попросил, чтоб оставили. Умолял! Ничего еще не сделано, совсем ничего. Спасла! Спасла! Она всегда меня спасает! Она – это я! Только ХОРОШИЙ! ОНА – НАВСЕГДА! Потому, что ТАК! Потому, что дана Богом в помощь! Потому что все, что делал до нее – бродяжил! Потому, что делаю – все только ей одной посвящено!!!

Отошел.....живой.....разрешили.....Ванька все рассказал, объяснил с точки зрения эзотерики, медицины, психоанализа. Таким и буду помнить всю жизнь – как умницу и психоаналитика. Хотя и циничный негодяй.

ВСЁ, Слава БОГУ! Завязал навсегда! С тех пор – не мое! Получилось! Прощайте, Марья Ивановна!

Что делать? – Так ты песни то пиши, у тебя же были когда – то хорошие..... — *(это Бахыт уже.....)*

Стал писать, писал ГОД! Сидел и писал! Подключка произошла! Пора реализовывать Дар! Написал 100! Стал показывать – нравится! Причем не просто людям, им – то как раз все странно и удивительно – с чего вдруг начал. «Звезды» начали просить и интересоваться! «Академики», Апина, Дюна, Вот ведь какое дело!

Лауреат, Песня-98, «Ту ту ту, На на на» – люди любят, до пенсии петь буду.....хорошая получилась.....еще, еще, еще!

Альбом 12 песен «Отпечатки пальчиков» -Кабаре-дуэт «Академия» поет песни Сергея Русских.

Продюсерский центр Сергея Русских, короткая, но яркая эпопея.

Новые проекты, Объединились с «Синтез-Продакшн», совершенно замечательный лэйбл, завод (16 000 кассет в сутки), своя дистрибьюция, грандиозные совместные планы и дела.

Сольные альбомы Сергея Русских, продюсеры рекомендуют взять псевдоним, потому, что уже под «Русских» якобы «наследил» в попсе..... – Сергей СеВеР, С В Р

– Сергей Валентинович Русских. Почему Шансон? – Потому, что про детство, про жизнь,. Женский проект «Племянницы», поиск денег, Старая Площадь, Пал Палыч Бородин, Геннадий Николаевич Трошев, планов громадьё – День всех Героев, Сладкий День города «Сладко-ежка» – в пикну «детскому пивному алкоголизму», госпитали, благотворительные концерты....

Патриотический проект – группа «РУСЬ!». Чечня, Таджикистан, госпитали.....

Продюсирование грандиозных праздников. 23 дня – Главная Президентская Елка Страны на Красной Площади, Дни Нефтяников, Строителей, Металлургов, Химиков, Дни Городов! 65 – ление ГАИ.....ит. д., и т.д., и т.д.....

Все происходит быстро и стремительно, потому что много накоплено, много нужно успеть, спешу, так много всего- просто дух захватывает. Дальше – больше! Песни, поэма, повесть, клипы, опять клипы, продюсер-то тоже ведь неплохой..... – получается! Нужно по правильному и единственному ПУТИ, Идем, бежим, вперед, вперед!

Родился СЫН, старший подрастает, дочь Алиса – на Урале с моей мамой постоянно живёт!!

Проекты, текучка, лень, кутерьма, вокруг – регулярные стены. Никому не нужна мораль, патриотизм, НИКОМУ! Им главное – послушное и легко управляемое стадо. «Больше стадо – больше шерсти!»

Волны депрессий, удачные дела, построил дом, квартира, лес, заповедник, закрыл страницу с продюсерством. Альбомы, концерты, «в чёрном списке» практически во всех алчных СМИ.

Предательство ближайших друзей... А и не друзья это... так, попутчики до срока!
Но – удар. Депрессия. Запой. Начал шалить. Серьёзно шалить... Возвращаться надо? Надо!
Решил! – Возвращаюсь. Помощь друзей. Пошло Движение. Вперёд, не лениться!
Вперёд!

Сергей Русских-СеВЕР. 2012

Иду с Урала не по млечному Пути

*И под ногами пыль не звездная легла,
Дороги разные случилось мне пройти,
Но лишь одна судьбой назначена была.
Искал ее я, аж, до возраста Христа,
Однажды понял, что себя не обмануть,
И сразу звездочка – наивна и чиста,
Своя, родная, осветила путь.
Не жалко пройденных дорог, не жалко дней,
Немножко грустно, но их не вернуть уже.
Тем мы становимся Светлее и Мудрей
Чем больше думаем о Главном – о Душе.....*

Шрамы Юности

Роман

Глава 1. Начало

*Смыв на губах песок, раненый апельсин
Свой ароматный сок дарит губам твоим
Как добрый верный пес, рыжий простор полей
К твоим ногам прилег, чтоб их собой согреть...*
В. Култышев

– Этот воздух можно пить! Чувствуете?! Он как нектар какой-то, тяжёлый и густой!...

Мы остановились на перевале потому, что наш «пазик» неожиданно заглох. Это был военный, маленький автобусик, с шофёром которого, юрким, бойким солдатиком мы договорились на ж/д вокзале. За 15 рублей он, поломавшись, согласился отвезти нас из Симферополя до Алушты. Мы быстро загрузили весь аппарат, все наши колонки, усилители и инструменты, залезли сами и... довольно удачно ехали что-то около часа. Почти все дремали, было под утро, но сейчас вот, вдруг, встали где – то в лесу и пришлось проснуться.

Кто мы такие? Мы – молодые, двадцатилетние музыканты из Перми. Знаете такой город? Усталый, большой, серый, уральский город – трудяга. Стоит на речке Каме.

У нас есть даже пляж городской, правда называется он – «битое стекло». Понятно почему, я думаю?! Бутылок разбитых много. Пучок военных заводов, улица Ленина, как положено, Комсомольский проспект, вокруг города – леса, а в лесах что? Правильно! А в лесах – лагеря. Их так много, что те, кто хоть раз сидел, знает, что есть такое на свете место – Пермская область.

Ещё месяц назад никто из нас и не предполагал, что увидит когда –нибудь Чёрное море. И мало того, никто не думал, что никогда больше не вернётся на ту ступеньку юности, с которой стартовал в апреле 1985 года.

Собственно, во всём был виноват Жабик, (он же Свин) Юрик Ощепков, который взял у какого – то гитариста – бродяги адрес Курортного зала города Алушты, списался с директором, выслал наши записи и получил приглашение поработать сезон на танцах. Представьте ситуацию: У нас представилась возможность поработать сезон в Крыму!?!

Нам едва за 20. Никто из нас южнее Москвы никогда не был. Мы, сплочённая общим порывом рок – команда, малопьющие, талантливые и любвеобильные. И сейчас имеем шанс поработать почти полгода в том самом Крыму, где потрясающее море, где загорелые, ухоженные женщины ждут нас, пока ещё плотно сжав колени, где солнце сделает из нас мулатов, где, в конце – концов, мы будем играть свою «новую волну»! Это же предел мечтаний любого провинциального музыканта, любого молодого человека 85 года.

Странные положительные обстоятельства повлияли на наш быстрый отъезд.

У нас был серьёзный коллектив со всеми атрибутами серьёзности. Жёсткая дисциплина, свой внутренний устав, приличный, по тем временам супермодный репертуар. На репетицию все приходили вовремя. Всё, что находили – несли в «улей». Лидером, идейным вождём был тогда Юрик. Человек достаточно злой, чтобы опаздывать или не дай бог, – с запахом прийти. В общем – то все были сообразительны, чтобы понимать, во имя чего эти строгости. Мы активно грезили великим будущим и надеялись открыть свою страничку в шоу – бизнесе.

Нас было 8 человек, список прилагается:

– Юра Ощепков – гитарист, лидер, 100 кг, прозвища: «Жаба», «Кабан», «Свин», «Ури» – хам, циник, безумно влюблённый во всё новое в музыке, бабник и генератор идей.

– Игорь Белобородов – бас – гитара, баян, клавишные, «Билл», человек, который всех собрал, душка, бодрячок, человек – катастрофа, всё роняет, осыпает всех пеплом своей сигареты, ныне живёт в Австралии.

– Саня Катаев – клавишные, вокалист – аранжировщик, дипломат, оптимист, мягкий, пластилиновый, добрый, способный музыкант, все его будут помнить и любить.

– Серёга Шардаков – барабаны, – «...зовите меня просто «Шима...», так звали моего папу в детстве», человек из деревни Верещагино, окончил Пермский «Политех», прошёл общежития, бедность, чрезвычайно деятельная и юморная личность.

– Вадик Култышев – вокалист – гитарист, поэт, композитор, мелодист – романтик, лентяй по жизни, но музыкант безусловно страдающий, живёт в Алуште.

– Макаров – глуповатый, простой работяга – блондин, случайно поехал осветителем, человек добрый, работающий. Последняя информация – работает на мусоровозе.

– Захарченко – якобы оператор, человек, достаточно усердно выполняющий чужие распоряжения. В команде был никем. Живёт в США, работает на рыбном заводе.

– Ну и, наконец, я. Сергей Русских – вокалист – артист, начинающий тогда продюсер, по всей вероятности по силе давления на организацию – фигура №2 после Жабика, проживаю в Москве.

Вообще, мы с Юриком – жабой очень страстно и мгновенно подружились. Как только я появился на 1 репетиции, он сказал мне: – «Будешь петь рок!» почувствовав, видимо, скандальность моей натуры. Впоследствии, спустя время, мы с ним жили как злые собаки, вырывая друг у друга постоянные подтверждения своей силы, но всегда мирились и скучали, если долго находились врозь. Бедные музыканты разрывались от противоречивых чувств, потому что и я, и Юрик постоянно дёргали коллектив то в одну, то в другую стороны. Но нужно отдать должное, при любой ситуации то, что называется «командой» у нас было всегда. Со своими проблемами, страстями, энергетическими всплесками, разводами и примирениями. Было главное – была цель. Поэтому приходилось идти на компромиссы, играть музыку снова и снова, терпеть друг друга и двигаться вперёд.

Мы работали в ДК. Строителей под руководством очень кокетливой и сексапильной директорши, Марины Николаевны. Мы все её по – юношески, в глубине души тайно вождели. Она это чувствовала прямо телом, и, разумеется, просто балдела от своих чувств. Природа подарила ей неплохие данные женщины – кошки и, будучи достаточно молодой, она уже была директором одного из центральных клубов города. Кроме постоянного, сексуального внимания ей очень нравилось в нас то, что мы всегда занимали первые места на всевозможных городских конкурсах ВИА. Это было частью её рейтинга в городе, необходимыми коммунистическими показателями её деятельности. Она пошила нам белые костюмы – тройки и позволила всё это взять с собой на юг. Это было, разумеется противозаконно, но ей так хотелось быть восхитительной, ведь мы её так хотели. У нас были даже одинаковые ботинки и чёрные рубашки. Вот такими красавцами мы и выступали в Крыму впоследствии.

Ещё одним фактором, приблизившим наш отъезд, было то, что месяца за два до него мы наконец-то обрели самостоятельность и перешли на саморуководство группой.

До этого у нас были свой директор и продюсер (очень модное по тем временам слово) которые осуществляли гениальное руководство нами, контролировали средства, заработанные танцами и свадьбами, и вообще диктовали нам какие-то комсомольские понятия, по которым нам следовало жить. Господин Анатолий Масонов был у нас директором и продюсером. Ему было уже за 30-ть, что и давало перед нами определённые преимущества. Он нас попросту «разводил», как говорят мошенники. Крутил заработанные нами денежки, занимался спекуляцией музыкальными инструментами. Время от времени, приобретал для команды какое –

нибудь чудо – техники, типа «ревербатора» или «примочки» для гитары и мы все радовались этому, как обезьянки бананам, и не предъявляли претензий. Правой рукой у него был Костя – очкарик, человек, достаточно умный, технарь и его доверенное лицо.

Когда я пришёл в коллектив, не имея ещё права голоса, то был быстро ознакомлен с этим раскладом Юриком, который почувствовал во мне родственную душу бунтаря. Уже через 3—4 месяца после моего появления диктатура Масонова – Кости была свёрнута нами посредством «разборки», которую мы устроили на каких-то гастролях. Масонов, услышав ряд претензий, будучи натурой импульсивной, чуть было не полез в драку. Самозабвенно кричал, что он – отец родной, а мы – «тараканы» неблагодарные, что если бы не они с Костей, мы работали бы на заводах, и были бы в полном дерьме, и что, вообще мы ещё должны денег за всё то, что он для нас сделал.

Итог разговора: нам был предъявлен иск на 700 рублей, либо раздел имущества. Мы со своей стороны посоветовались и просто решили послать их на...

На том и расстались, о чём больше никогда и ни разу не пожалели.

Впоследствии, спустя года два, Масонов приезжал в Алушту, смотрел наш концерт, давал «козырного фраера», директора всех существующих концертных программ Советского Союза, но мы уже откровенно «стебали» его.

Ну а тогда, к весне 85, в своём городе мы отработали на всех приличных площадках, нас достаточно хорошо знали профессиональные – музыканты и местные деятели культуры. Случилось так, что последней, большой площадкой была сцена нашего городского парка культуры и отдыха, на которой мы начали понимать, что достигли определённого, достаточно серьёзного уровня.

Знаете, как вырастают из штанов? Вот так вот и мы выросли, наверное, из своего города.

Конечно, то, что было заложено в наших душах, было только потому, что мы росли на этих улицах, дышали этим воздухом. Все прошли через драки и приводы в милицию. Сама жизнь, грубая и жёсткая, диктовала необходимость быть дерзкими. Совершенно случайно встретившись, мы стали близкими людьми на долгие годы. Я помню те ощущения восторга и какого-то общего благородного порыва, когда Юрка или Билли приносили новую музыку на репетиции.

Мы бросали все дела и слушали, слушали, слушали. Перебивая друг друга, делились впечатлениями, захлёбывались от эмоций, и таким образом, воспитывались как музыканты. Пробовали сочинять свои песенки и всевозможные рок – композиции. Выстраивали сценографию, руководствуясь, прежде всего тем, что просто обязаны быть первыми, быть не похожими на остальных. В те благословенные годы мы были свободны от обязательств перед семьями, поэтому желания совпадали, желание было одно – научиться и стать.

– Ты где? Ты приехал?! Давай скорее ко мне! Бери тачку и гони! – первые слова, которые, я услышал по телефону, как только переступил порог дома. Это звонил Ури.

Я только, что приехал из колхоза, в котором был целый месяц как первокурсник Института культуры. Едва поздоровавшись с родителями, я, естественно, помчался к своим музыкантам. Все уже собрались у Жабика и ждали меня. Помню ощущение того, что страшно соскучился, я ехал в такси и улыбался, предчувствуя встречу со своими друзьями.

Как только переступил порог, Юрка сразу потащил меня в свою комнату, где все уже собрались у магнитофона и слушали новую программу группы «Карнавал». Атмосфера была восхитительно знакомой. Все возбужденны. Билл нервно потирает руки, Шима постукивает палочками по креслу.

– Слушай, какой это класс! Это «новая волна»! – восхищённо заорал Юрик и поставил кассету.

Музыка действительно была новой. Очень гармоничная и ритмически необычная, она полностью ломала все каноны советского эстрадного жанра. Она была какой-то очень «фирменной», какой-то очень «западной» и поэтому волновала и заставляла думать.

– Ты понял?! Вот так ты должен петь! – сказал Юрий.

– Я тебе приготовил тут Вандера и Бенсона, это будут твои учителя!

Да, это стали мои учителя на долгие годы. Я очень рад, что мы слушали, учили и подражали серьёзным музыкантам, хотя тогда было много разной чепухи, которая расцветает во все времена пышным цветом. Конъюнктура в искусстве и жизни это всегда, наверное, легче и проще, чем попытки создать что-то своё, что-то новое. Только в поиске – развитие, только в постоянном стремлении маяться и болеть этой жизнью, я думаю – то самое настоящее, для любого уважающего себя, человека.

Первые свои выходы на сцену вспоминаю до сих пор с каким-то трепетом. Не знаю с чем это ощущение полной незащитности можно сравнить, наверное, – будто бы, когда голым вдруг оказываешься, совершенно неожиданно для себя на главной площади города, в час пик. Это нереально, но ощущение первого выхода на приличную сцену перед толпой людей – у меня было именно такое. Страх, необходимость заставить себя выйти и что-то делать такое, чтобы они поверили, чтобы приняли, а не засмеяли.

Первые дни работы я прятался за какой-нибудь колонкой и оттуда пел. Постепенно, шаг за шагом приближался к центру сцены и, только лишь, через год, стал уверенно себя чувствовать в этой ауре постоянной оценки каждого твоего жеста, каждого слова.

Ну, а через пару лет постоянной практики, когда уже стал, в принципе профессионалом, я уже черпал от зрителей энергию, делал всё очень уверенно и так, как считал нужным, зная, что им это не под силу.

Наверное, необходимо рассказать, как вообще я появился в этой группе «Визит». Дело было так. Я только что пришёл из армии. А до неё и немного в ней, я играл на гитарке в разных коллективах на свадьбах и в ресторанах. Для поднятия растерянного в «армейке» интеллекта и повышения кругозора какой-то приятель вытащил меня, бывшего армейца на концерт в Политех, самый прогрессивный и современный институт города. Там шёл тогда ещё один из самых первых, Рок-концерт. В перерыве мы подошли к знакомым музыкантам. Они начали поздравлять меня с «дембелем», интересоваться, чем собираюсь заниматься. Я ответил, что намерен поступить в институт и с музыкой завязал. Один из музыкантов покачал головой и сказал – «сомневаюсь! Кто начинал – тот уже никогда не завяжет!» Я не обратил внимания на его слова, и вспомнил о них только тогда, когда осознал его правоту, когда меня вновь закрутило в творчестве, спустя несколько месяцев после этого концерта. Как только закончился концерт, к нам с приятелем, подошёл светленький, бойкий, молодой человек:

– Ты Сергей? – спросил он.

Я ответил:

– Да? А в чём дело?

– Понимаешь, меня зовут Игорь, или просто «Билл»! Мы сейчас ищем себе вокалиста в команду, а мне музыканты сказали, что ты до армии пел в кабаке?! —

Я обалдел от натиска и ответил:

– Да, но я сейчас поступил на рабфак и, в общем – то, не хочу пока заниматься музыкой! —

Он огорчился, пожал плечами и сказал:

– Жаль, у нас хорошая группа, тебе могло бы быть это интересно. Но я всё – таки запишу тебе свой телефон, если будет желание – позвони! —

С этими словами он достал блокнот, записал телефон, дал его мне, попрощался и убежал.

Через несколько дней, на своём подготовительном отделении я познакомился с пареньком, его звали Игорь. Этот Игорь мечтал петь в какой-нибудь группе. Разумеется, я ему дал

телефон предыдущего Игоря, рассказав ему об истории, когда меня приглашали вокалистом. Мой одноклассник с радостью взял бумажку с телефоном, и я удовлетворённо забыл об этом прецеденте.

Через пару месяцев я спросил его:

– Ну, как ты, созвонился?

Игорь ответил:

– Да! Большое спасибо! Я уже работаю с ребятами! Просто «крутая» команда! И вообще просто класс всё! Единственное, что плохо – мне очень далеко ездить к ним, около 2-х часов на дорогу трачу в один конец, а так – вообще «кайф». Спасибо тебе за телефончик! —

Я ничего не сказал, но про себя подумал:

– Да! Человек 4 часа тратит на дорогу каждый день, только для того чтобы попасть на репетицию, наверное, действительно серьёзная группа! Нужно съездить как-нибудь с ним и посмотреть, что за ребята! —

Я был молодой и любопытный, как все в моём возрасте. Короче, через неделю я уже был в этом Дворце культуры за городом. То, что я увидел, меня не просто удивило, а потрясло.

В подвале этого Дворца Культуры находилось огромное помещение. Оборудованное очень комфортабельно, это помещение было заставлено каким-то супер – современными колонками, кругом стояли фонарики и прожектора, какие-то микшерские пульта, барабаны и клавиши. Меня всё это очень впечатлило. Постепенно собирались музыканты, примерно одного со мной возраста. По их отношению к инструментам, очень какому-то бережному, напрашивался вывод, что они здесь не случайные люди. То, как они протирали гитары, то, как они нежно и аккуратно всё подключали, очень располагало к ним. Прибежал Билл, тот самый Игорь, который приглашал меня вокалистом.

– Привет! – поздоровался он – Посмотреть пришёл? Ну, посмотри, посмотри...

Когда они заиграли, я понял, что такого ещё не слышал. Я понял, что это очень круто. Был очень хороший «саунд», чёткая сыгранность и достаточно серьёзный уровень профессионалов.

Они сыграли пару вещей. Причём мой одноклассник, которого, я им сосватал вокалистом, достаточно неплохо пел высоким тенорком.

– Ну, как? – спросил меня Билл.

– Клёво! – ответил я и посмотрел на него уже другими глазами. Он заулыбался и не без гордости сказал: – Я же говорил тебе, что хорошая у нас команда!

– А не хочешь попробовать спеть что-нибудь?

Я замялся, потому, что не предполагал такого развития событий: – Не знаю, я не пел давно! —

В разговор тут включился гитарист, крепкий, слегка полноватый молодой человек

– А ты не стесняйся! Попробуй! Он дал мне микрофон и спросил: – Что будешь петь?

Я подумал и ответил:

– Ну если попробовать. «Солдаты Фортуны» знаете? «Дип пёрпл?!» – надеюсь на то, что они не знают. Гитарист переглянулся с Биллом и сказал:

– Давай! Поехали! После этого посмотрел на барабанщика, кивнул ему и заиграл вступление.

Я очень волновался, в горле пересохло, руки стали влажными, микрофон едва не выскальзывал. Как только я начал первые строки песни, гитарист, внимательно наблюдавший за мной, кивнул, как бы подбадривая, и быстро проговорил:

– Давай, давай! Всё нормально!

Я немного успокоился и допел уже уверенно, дав чувства в конце. Музыканты закончили играть, переглянулись и пошли на перекур, позвав меня с собой. В коридоре, гитарист протянул мне руку и сказал:

– Юрик, можно Ури.

Я представился и спросил смущаясь:

– Ну, что скажете? Я не пел давно.

Юрик посмотрел на Билла и сказал:

– В принципе, ты нам подходишь. Мы давно ищем рокового певца. Не хочешь поработать?

Я очень удивился, потому что, не был уверен в своей «проф-пригодности», по сравнению с ними. Но в глубине души, конечно же, ликовал.

– Ну, мне очень понравилось, как вы играете! – честно сказал я – Давайте попробуем, если у вас есть желание поработать со мной! —

Все заулыбались, Билл похлопал меня по плечу, я познакомился с барабанщиком и клавишником.

Домой мы ехали вместе, и Билл с Юриком, перебивая друг друга, рассказывали мне свои музыкальные планы, уже... как близкому по духу.

Я ещё не понимал тогда, что эти музыканты станут мне самыми близкими родственниками на всю жизнь.

Я ещё не понимал, что жизнь моя круто меняется в связи с появлением в ней этих, дорогих для меня до сих пор, людей.

Я еще ничего не понимал тогда....просто все только начиналось....странно и увлекательно!

...Итак, Мы стояли в ночи, на перевале в Крымских горах, недалеко от Катюши, самой легендарной Алуштинской горы. Водитель начал ковыряться в моторе, Жаба встал со своего сидения и хриплым (это у него от природы) голосом сказал;

– Может, покурим, выйдем? Алё, хватит спать!

Все лениво потянулись и нехотя вышли из автобуса, ещё не понимая, где мы, и что вообще происходит.

А мы, ещё вчерашние пермяки, город наш всегда гремел экологическим безобразием, оказались вдруг среди пампасов, каких-то цикад, настоящих живых соловьёв. Мы стояли и запросто так вот курили, вдыхая молодыми лёгкими настоящий горно – лесной, какой-то удивительно осязаемый воздух.

– Классно тут дышится – сказал наш барабанщик Шима и засунул себе под нос фалангу культи среднего пальца, имитируя таким образом, что сам коготь у него ушёл в мозг. Это он шутил у нас так, когда-то в детстве отрубив себе палец топором. Не знаю точно, не обижайся Шима, может самопалом, тебе его оторвало, суть не в том, суть в культе в носу.

– Да, – сказал Билл, – скорей бы уже приехать-

Шофёр нас успокоил, что до Алушты осталось не больше 20 км, и, что можно залезать, всё в порядке. Разумеется, мы не забыли пописать в этих крымских джунглях, грех было бы русскому человеку не сделать этого, и, залезли в автобус.

...Дорога была под гору, начиналось теплое влажное крымское утро, никто уже не спал, все озирали такие непривычные пацанскому, пермскому глазу окрестности и ждали встречи с будущим.

– Да вот и море, – сказал солдатик – водитель, вывернув из-за очередного поворота.

И, правда, это было оно. Солнце всходило из-за горы, и освещало нам это волшебное море, которое на ближайшие 5 лет для нас станет энергетическим магнитом. Я не буду описывать Море, масса достойных людей делало это не раз, проще описать эмоции у членов нашего ансамбля. Было какое – то мгновение, когда все, по- детски открыв рот, замерли, и будто бы даже автобус как-то притих, не шуршал. Восторг был, совершенно однозначным. Это можно сравнить с первым выбросом семени у мальчика, когда непонятный сознанию факт совершён и только потом, позже начинаешь догонять, усваивать информацию, и укладывать её у себя

в отведённом для этого мозгом, месте. Восхищение было детским и всеобщим, хотя все как-то были внутренне готовы к этой встрече с Чёрным морем, ждали её, эту встречу, но вот оно, какое – то выпуклое и блестящее, как ртуть вынырнуло из-за поворота, заискрилось под солнцем, там, внизу, и каждый понял, что скоро уже можно будет потрогать его, и быть таким же, как и все избранные – «Отдыхающим на берегу Чёрного моря».

Для нас, детей заводов и панельных «хрущёвок», армейцев и, в прошлом немного шпаны – это было, осмелюсь сказать очень серьёзным впечатлением. Знали бы мы тогда, сколько у нас будет этих восторженных впечатлений в ближайшие месяцы и годы нашей жизни.

Город нас не потряс, проехали его как-то уж очень быстро, не было в нём Уральских расстояний, казалось, что только въехали, как сразу остановились.

Выскочили из автобуса и одурели. Мы оказались перед каким – то бело-жёлтым дворцом, со ступенями, вазами, пальмами, розами, кипарисами и клумбами. Обилие непонятных архитектурно-аграрных форм сразу покорило. Все задумались, а придёмся ли мы здесь ко двору. Но мы были молодые и наглые, и, собственно, терять было нечего. Крепкий пожилой человек с бородкой спускался к нам на встречу и улыбался доброжелательно, но вместе с тем как-то так официально. Мы все сразу поняли, что он и есть Скандалов Алексей Борисович – директор Курортного Зала города Алушты, которая в Крыму, соответственно, и Курортный Зал тоже у моря, и естественно он – как бы главный распорядитель нашей музыкальной, да и вообще судьбы.

– Здравствуйте, здравствуйте! А я вот поджидаю Вас, даже и сторожа отпустил сегодня, сам ночевал в курзале. Значит, это и есть группа «Визит»? Из Перми? —

На что мы, разумеется, ответили положительно.

– Значит так, давайте выгружайтесь, я сейчас покажу вам комнату, где всё пока сложите и комнату, где вы будете жить ближайшее время, ну и потом..... если удачно пройдёт прослушивание. Вот так мы и заехали в Алушту.

—

Давайте сразу договоримся, уважаемый читатель, что какие – то подробности и детали нашего быта, какие – то мелочи с перемещениями, нашими взаимоотношениями и диалоги я буду пропускать. Потому как, во-первых: по прошествии лет это будет неверно, неточно и соответственно нечестно, ну а мне, как честному человеку и, пока ещё начинающему писателю довольно трудно и даже немножко больно заниматься вымыслом. И, во-вторых: в нашей жизни происходило столько занимательного за эти годы, что, начини я всё описывать подробно, мне за год не написать эту книгу, а хочется писать быстро и много. Да и потом, не Лев я Толстой, безусловно, и заниматься коллизиями психологизмов русской души, копаться в характерах и личностях просто не хочу. Пускай это пошло и, может быть – антилитературно, но что с этим поделать, я просто простой пермский парень, Серёга Русских. Пусть это будет автобиография – мемуар – романчик, что ли, да простят меня, невежду будущие критики.

Поселили нас на горке, в зарослях дикой татарской лозы, и крымских деревьев, просто в чудесном месте. Это был раньше «Павильон тихих игр», или попросту бильярдная. Был он весь стеклянный и как сейчас помню, общая площадь этого стеклянного квадрата со смотровой площадкой на крыше была 72 кв. м. До моря было метров 100, рядом, метрах в 10 находился один из блоков санатория « Слава» для ветеранов и их деток, скорее даже для деток и родственников ветеранов ВОВ. Метрах в ста выше, это мы выясним позднее, была гремевшая на весь Крым – Аллея любви, где повсюду на лавочках сидели влюблённые, смотрели на Чёрное море, и где стоял пограничный пост с гигантским прожектором, «Гиперболоид инженера Гарина», как мы его называли. Влюблённые традиционно трогали друг друга колени и целовались взаимос влажными тропическими, Крымскими ночами. Те, кто помоложе, естественно совокуплялись повсюду; уже, бывало, что и через два часа после знакомства тут же, рядом с лавочками.

Обо всём этом мы узнали позже, а пока обустроив свой быт, (нам дали 8 кроватей и бельё) мы соображали на тему нашего прослушивания вечером.

– Танго и вальсы нужно в начало! – сказал Билл, так как он ведал репертуарным планом.

– Значит так: первое – «Лягу – прилягу» – так как мы на Украине и, хотя она белорусская, я думаю, будет клёво – это я издал свой голос.

Жаба помолчал, выслушал и сказал:

– Первое нужно – «Сердце, тебе не хочется покоя».

Все поддержали и, даже Макаров своим громким голосом добавил:

– Да, а вторая «Лягу – прилягу».

На что Билл заулыбался и продолжил – 2 песни, потом инструментальная «Краковяк», потом что-нибудь патриотическое. Наши «островки» и «давайте созвонимся» – во второе отделение, если попросят поиграть ещё.

Короче мы составили совершенно подхалимский репертуар для местных властей. Нам просто необходимо было понравиться, потому что рядом было море, женщины, и жизнь вообще только начиналась, так как все мы впервые были на настоящем курорте. Первые десять песен были бодренького танцевально-родительского плана, «инструменталки» с баяном и гитарой типа: «Гопак», «Краковяк», «Лезгинки» и т. д. Песен десять были популярно-эстрадными, официально рекомендованные советским правительством и лишь потом песен 20—30 были, что называется нашими, «Нью-уэйв», как любили мы говорить, электронно-молодёжными.

Если учесть наш опыт работы на официальных концертах для ветеранов партии и труда, белые костюмы, тихий умеренный звук, многоголосие и бьющее из нас огромное желание понравиться, без труда можно представить – что прослушивание прошло успешно. Нам сделали ряд традиционных замечаний, посоветовали, что и как делать, кому и на чём играть, но дали испытательный срок и возможность остаться в этом чудесном городе, у этого расчудесного моря.

Через неделю мы стали постепенно добавлять громкость, через 2 недели более раскованно двигаться, через 3 в репертуаре осталось не более пяти песен из репертуара, отвечающего «Моральному кодексу строителя коммунизма», через месяц – мы стали звёздами первой величины в этом небольшом курортном городке.

Было несколько очень похвальных вещей, которые воспрепятствовали нашему курортно – звёздному разложению и укрепили дружбу:

Первое – мы практически не пили, за исключением одного гражданина по фамилии Ляхов, которого мы взяли на полтора месяца работать на барабанах, пока Шима уезжал защищать диплом, в своём «политехе». Сергей Ляхов – это отдельная глава, я вернусь к нему позже.

Второе – это то, что нас очень серьёзно спланивало. Мы очень были преданны делу и все деньги у нас складывались в «общак», и, в последствии на них приобреталась аппаратура. Мы просто мечтали купить себе настоящие японские клавиши, настоящие гитары, настоящие барабаны. Мы мечтали быть Настоящей рок – группой. В принципе – мы ею и были уже тогда, но, к сожалению, не осознавали этого, к великому сожалению – сами активно занижали свою профессиональную планку. Нам не хватало опыта и связей, мы были молоды и глупы. Не было знамени. На то момент этим знаменем был аппарат, на который постоянно копились деньги, а он имел тенденцию, постоянно расти в цене. Хотелось последних новинок, а они стоили дорого, вот так и гонялись 5 лет за новыми звуками.

Питались первый год мы исключительно вместе и, в основном, благодаря Биллу, его бардовским способностям и коммуникабельности потрясающей силы.

Он каждый вечер брал гитару, и, цокая ногтями, в сланцах шёл вместе с Шимой, которого брал в качестве юмориста на вечерние улицы Алушты. В армии ему, по его рассказам, упал

мотор от самолёта!!! на ноги, и ногти были чёрными, росли вниз, загибаясь и «цокали» при ходьбе в сланцах. Из-за этого он даже обувь покупал себе на 2 размера больше.

Так вот, на улицах Алушты они цепляли 15—16 летних «мышек», которые почти все были практикантками в столовых и в кафе, в пансионатах и санаториях. Билл пел им смешные детские песни, а Шима грязно шутил, после этого они их трогали за юные крепкие груди – яблочки и целовались пол – ночи, нередко даже дефлорировали мышек – малышей где –нибудь в лесу. Девчухи соответственно ненадолго, но крепко влюблялись в двух музыкантов и конкретно обворовывали каждое утро отдыхающих. То принесут нам ведро сметаны, ни много, ни мало, то кастрюлю бифштексов и килограмм 5 помидор. Часто мы просто приходили к ним в столовую под видом отдыхающих, и они с радостью кормили нас самым лучшим, что только было. Нас с Юрой – Жабиком, они, почему – то, побаивались и уважали. Мы им внушали какой то половой, почти «инцестный» трепет, и, честно говоря, ни он, ни я, ни разу не совокупились ни с одной из них. Нам нравились женщины другого уровня. Мы их подразделяли по социальному, возрастному и интеллектуальному статусу каждой.

Глава 2. Сууурприз

Я думаю, целесообразно нырнуть в ещё более давнее прошлое для того, чтобы, ты, уже влюблённый в мой проникновенный слог Читатель, понял, как мы стали такими. (Ничего так, да?)

– Алё, Серый! Давай ко мне, пора на работу.

– Через полчаса буду.

Это мы с Юриком, в начале начал.

Я обычно надевал лучшее, что было, а было тогда, в 84, честно говоря, совсем немного: маечка «Динамо», белая такая, махровая и брючки, садился в троллейбус и приезжал к нему на «Рабочую —З Б». Юрик тогда имел совершенно сумасшедшую вещь – костюм «Пума» с белыми широкими лампасами на брюках. Он вообще, по тем временам был крутым. Дело в том, что его любила и содержала одна из центральных спекулянтки – Натали. Он её нежно «трахал», а она в свою очередь дарила ему грандиозные подарки в виде хорошей парфюмерии, золотых колец или норковых шапок зимой. Такая любимая могла только присниться, и ему все страшно завидовали.

Наша «команда по съёму», в которую я попал на несколько месяцев благодаря Юре, обычно встречалась на центральной площади города, у «Политеха». Все были солидные люди – ювелиры, гравёры, спортсмены, аферисты и пр.

Мы, разумеется, были не при делах, т.к. я был просто друг Жабика, а Жабик был в общем-то просто каким-то музыкантом, лишь иногда в качестве услуги предоставляющим для оргии свою квартиру, когда мама с папой уезжали на дачу. Но в команду достаточно прочно входили его друзья детства – Вовка Попович – культурист и Саня Романовский – гравёр и юморист. Поэтому Жаба и тусовался в основном с ними, ну и я впоследствии.

Все встречались, обменивались последними новостями – кто, кого, когда и как трахнул, шутили, смеялись. Юмор был достаточно злой, вернее злобный, наверное, потому и интересный.

– А....., опять Жаба «студента» бедного ведёт – Гнусаво и громко говорил Попович.

– Какой он бедный – подхватывал Фокс – Он вчера троих хорей соком виноградным поил, а товарищей не угостил даже.

– Может он товарищей не уважает? – с улыбкой гнусил Попович, на что я ответил: – да нет, просто деньги кончились.

– На «хорей» были, на товарищах кончились? Разве так поступают? – продолжал он. Все в это время улыбались и слушали, как я буду реагировать на провокацию.

В это время вмешивался Юрик, и переводил разговор на другую тему:

– Ладно Вован, чё ты достал его, сам знаешь студент бедный, чё прицепился?

В принципе аналогичные диалоги были нормой, все к ним давно привыкли, т.к. каждый старался подтянуть за язык каждого. Это была давно устраиваемая всех традиция, предметом веселья мог стать любой человек и из компании и вне её. Впрочем, дружеские отношения поддерживали только 4—5 человек, и в их число я, потому так и не успел войти, т.к. были репетиции, другие интересы и определённые обстоятельства. Если у нас с Жабой была музыка, то у них свои дела. Это было на уровне хобби в свободное время от основных занятий.

– Куда пойдём сегодня? – спрашивал я.

– Как куда? Традиционно! – говорил Саня Романовский и мы втроём, реже – вчетвером направлялись на поиски «хорьков». Это обычно были девочки – студентки, юные продавщицы, юристы, медики, чьи-нибудь молодые жёны, оставленные по глупости этим вечером без присмотра, либо, когда никто не «вёлся» – наши надёжные варианты, которых мы вызывали по телефону. Относительно последних, могу сказать, что в 2—3 часа ночи, они, разбуженные

телефонным звонком, сознавая, что являются сегодня «запасными» всё равно мчались к нам в такси. Потому, что, скорее всего мы давали им то, чего не могли и не давали другие, какой-то другой, более жесткий, но интеллектуальный секс, какое – то более утончённо – развратное наслаждение. И они, эти запасные «хорьки» мчались к нам ночью, уже в такси истекая сучьими соками, и предвкушая, как их будут сегодня «колоть».

У нас была своя терминология, принятая только в узком кругу, во всяком случае, я нигде ни до, ни после не слышал этих слов: укол, кольнуть, дать трубочку, башмак, уши и т. д. У нас были отработанные варианты сценариев съёма. Всё делалось технично. Обычно Саня Романовский объявлял:

– Подходим. Вариант с «ключом». Начинаем искать ключ. Всё делаем молча. Первые не заговариваем. Просто тупо ищем что-то вокруг. Когда они спрашивают – объясняем, что потеряли ключ именно в этом месте. А без него не попасть в квартиру, а там уже накрыт стол, т.к. сегодня у Студента (или у Жабы) день рождения:

– Помогите, пожалуйста! —

Девчонки начинают искать вместе с нами. Мы незаметно подбрасываем одной из них ключ. Она соответственно находит. Мы все бурно благодарим их и естественно приглашаем на день рождения. Всё получается довольно просто и не навязчиво. Пока едем в машине в страшной тесноте – знакомимся, шутим, говорим на очень приличном сленге, интригуем, по пути покупаем пару – тройку шампанского и остальное уже дело техники. В итоге красиво их «клеим» и у нас появляются ещё одни запасные телефонные «хорьки».

Или ещё вариант с «гастролёрами», например: Это просто «классика»! Обычно Саня уверенно подходит к 2—3 девчонкам и говорит:

– Вы знаете, мы у вас в городе впервые, на гастролях, мы артисты группы «Веселые ребята» (или другой какой –нибудь в зависимости от расклеенных по городу афиш). – Вы не могли бы показать нам ваш город, мы так много слышали о нём....

Всё это говорится с очень милой, обаятельной улыбкой. И молодые девчонки как ни странно, становились нашими гидами в городе, который мы знали не хуже их. В процессе прогулки по Комсомольскому проспекту или по улице Ленина, мы приглашали их завтра, естественно бесплатно, на наш концерт, а сегодня познакомиться с Алексеем Глызиным. Они естественно соглашались, и мы ехали на чью –нибудь квартиру. Когда они удивлялись, почему нет Алексея Глызина, и почему квартира, мы им всё честно рассказывали, вместе с ними смеялись и чуть позже уже скрипели кроватями и приклеивались влажными телами.

Хочу рассказать про один случай, настолько, нетрадиционный для нас, что он серьёзно запомнился и мне, и Юрику на всю жизнь.

Как-то мы с ним пошли на съём вдвоём, потому что все куда-то разъехались, а у нас была квартира (тётя Люба с дядей Ваней, Уриевские родители, уехали на дачу) и хорошее съёмное настроение. Мы с полчаса poslonyalis по городу, и, не увидев ничего достойного подошли к ресторану «Прикамье» с намерениями взять кого-нибудь там. Двери были закрыты на «спец-обслуживание», но к нашей радости у входа стояли две худенькие девочки, почему-то очень похожие на балерин. Обе с острыми плечиками, а в оленьих глазах – какая-то непостижимая тайна, причём это не показалось нам «блядскими происками». Я подошёл к ним и спросил:

– Давно стоите?

– Да нет, ответила одна с более светлыми волосами – Минут 10 и отвернулась.

Я обернулся к Юрику. Он мне мигал, так что я понял его морзянку как что-то вроде – «Давай старик, давай!!!» Я подошёл к ним ближе, и в наглую, но с тихой проникновенностью, на какую только был способен, предложил:

– Девушки! Меня зовут Сергей! Моего друга зовут Юрик! Мы хорошие ребята! Я говорю это не в целях саморекламы, а просто действительно уверяю вас – мы не ублюдки и не насильники! Сегодня субботний вечер, дивная, полная луна, и у нас дома в холодильнике стоит две

бутылки шампанского! Все рестораны, полные жуликов и сексуальных маньяков закрыты. Мы хотели бы этот вечер провести с вами. Как вы находите наше предложение?! —

При этом я говорил, глядя попеременно глядя им в глаза, стараясь быть спокойным и обязательным. Тёмненькая посмотрела, на светленькую и неожиданно спокойно и сразу спросила:

— А где вы живёте?

Я понял, что выигран ещё один раунд в нашей вечной борьбе с этими удивительными созданиями природы, с этими уникальными существами, которых боги называли женщинами.

Когда мы ехали в такси, мы почти постоянно молчали, благо ехать было минут 15. Начало вечера было традиционным, мы узнали, что наши спутницы учатся на «юрфаке» Пермского Университета, что они подружки, что светленькая откуда-то из-под Кавказа, а тёмненькая вроде как — из Кирова. Мы узнали, что им по 20 лет и что зовут их Наташа — ту, что посветлее, и Лена — брюнетку.

После бутылочки шампанского и пары танцев Юра ушёл с Леной в комнату своих родителей, а мы с Натальей остались в его комнате, тут же разделись и начали знакомиться. Сейчас помню, что девчонка была просто прелесть. Она, оказывается бывшая танцовщица, и вот 2 года как не танцует. У неё была просто дивная фигурка, крепкие, какие-то совершенно круглые груди с маленькими, совсем без пупырышков, сосками, замечательная, нежная и высокая попка, «мулатистая», с прогибом талия, розовые сильные руки и длинные ноги танцовщицы. Она легко садилась поперёк меня на шпагат на моём члене и вообще оказалась довольно способной и изобретательной. Я первые 15 минут просто нырнул в неё и наслаждался как ребёнок новой игрушкой. Она изобретательно делала мне миньет, когда из соседней комнаты я слышал дикие крики Юрика. Мы остановились, она замерла с членом во рту, потом снова стала продолжать нежно «нянчить» моего мальчика.

— Наверно кончает — сказал я и снова расслабился. Через минуту Юрик снова закричал:

— А-А-А!!! — и потом — Я тебя боюсь!!!

Тут я удивился, но не придал этому значения, так как был занят. Через несколько минут, замечательно кончив ей в рот, и поцеловав её в щёчку, я решил всё — таки узнать, что же происходит с моим товарищем, который постоянно орёт благим матом. Я заглянул к ним в комнату и увидел такую картину. Юрик лежал на спине, а Лена сидела у него в ногах и увлечённо сосала ему член. Он держал её голову руками и с искажённым каким-то лицом смотрел на неё. Увидев меня, она прекратила, прикрылась простынёй и тихо сказала:

— Сергей, пожалуйста, не входите! Вы же нам мешаете. —

Я её проигнорировал и спросил лежащего на спине, с торчащим фаллосом, Жабу:

— Ну ты, Свин, ты чего орёшь, как недорезанный? — Он лежал и вращал глазами:

— Серый, это просто одуреть можно!!!

— Что случилось родной, пойдём, покурим на кухню — предложил я.

— Ладно, через 5 минут приду. — Ответил он.

Я закрыл дверь, помылся и сидел на кухне с сигаретой, когда туда влетел возбужденный Жаба:

— Слушай, я первый раз такое вижу, я боюсь её, это ведьма, ты бы видел, что она вытворяет!!! Это просто какой-то...!!!! —

Он не мог найти слова, и я не понимал, что он хотел выразить им — восторг или неприязнь. Похоже на то, что он и сам не мог понять своих чувств. Он просто находился в смятении. Нервно закурил сигарету, помолчал, лихорадочно затягиваясь, и пошёл обратно.

— Слушай, ты минут через пять зайди тихонечко, я её спиной к двери разверну, и сам всё увидишь. — сказал он. На что я ответил — Ладно, давай —

Минут через пять семь я так и сделал, и увидел просто «фурию», которая сидела среди смятых простыней, набрасывалась ртом на член Юрика и заглатывала его, как будто желая откусить у основания. Настольная лампа была включена, она сидела лицом к ней, и от этого

казалось, что глаза этой, совсем недавно кроткой девочки, горят каким-то дьявольским огнём. Она шипела, тяжело дышала и говорила:

– Спокойно, спокойно дружок!. —

В ответ на крики Юрика, в перерывах между заглотами. У неё изменилась даже осанка. Она как-то царственно прогнулась, опираясь на кровать коленями и обеими руками на член Жабы. Все её движения говорили о необыкновенном удовольствии, которое она испытывала. Самое удивительное было то, что вся кровать под ней, под её коленями была мокрой, такой мокрой, словно она сходила по малой нужде. Я перевёл взгляд на её бёдра и выше и обалдел: Из неё текло прямо ручьём, я никогда не видел, чтобы так кончали. Когда наши глаза снова встретились, она, достав мешающий его говорить предмет, изо рта снова сказала:

– Сергей, я же Вас просила, Вы мне мешаете!

Я улыбнулся и спросил:

– Может быть, вы примете меня в члены вашего клуба, Мадам? Я буду регулярно платить членские взносы! —

Она снова посмотрела на меня:

– Я люблю любить одного мужчину, к сожалению, так что извините, и выйдите – пожалуйста! Я вас очень прошу.-

Я с сожалением вздохнул и вернулся к своей Наталье, которая лежала в другой комнате и тихонечко мастурбировала.

Самое удивительное для нас было тогда, что всю ночь и утром, когда мы проводили этих сексуальных до умопомрачения женщин до двери, они обращались к нам как в старые добрые, патриархальные времена, только на Вы:

– А Вы не хотите Сергей? – А Вы не желаете Юрий?

И когда я пошутил во время завтрака:

– Зовите его просто Жабой, – на что мы посмеялись с Юриком, Лена вдруг возразила, как гимназистка из Смольного:

– Ну что Вы, Сергей, Юра такой милый, не оскорбляйте его – пожалуйста! —

Мы удивлённо с Жабиком переглянулись, и он загнул:

– Вот видишь, нашёлся хороший человек, оценил по достоинству, а вы меня гадкие люди всё только оскорбляете и обижаете! – И уже в другом тоне, обращаясь к ней, патетически: – Спасибо тебе, добрая душа!

Лену мы, к сожалению, больше не видели. Она по какой-то причине пропала из нашего поля зрения, хотя легенды о ней долго ходили в нашем кругу. Ночью она призналась Юре, что половая жизнь для неё – это только миньет, а по другому, как все – ей больно и не интересно, она ничего не чувствует. Когда он спросил её – Почему? —

Она ответила, что с 7-го класса её приучил к этому их сосед по квартире, когда родителей не было дома, и, что она занималась этим с ним вплоть до поступления в Университет, где её впервые дефлорировали, и ей страшно это не понравилось.

А вот с Наташей мы виделись ещё несколько раз, даже познакомили её с Поповичем. Вовке она страшно понравилась, он трахал её целыми днями, она совсем не возражала, и довольно дружно они провели вместе несколько недель. Однажды, когда я только-только познакомился со своей первой женой, и у нас впереди был целый вечер, причём познакомила нас моя бывшая любовница и товарищ Оля Е. эта пара, т. е. Попович и Натали заявили к нам. Мы снова сидели у Юрика – 2 пары интересных молодых людей за бутылкой шампанского и первыми фразами из своих джентльменских наборов. Причём девчонки были не дурочки, и нам приходилось быть интеллигентно осторожными. Вечер только начинался, и мы предполагали, что продолжение будет достаточно насыщенным, т.к. партнёры с обеих сторон достойные. Но неожиданно прозвенел звонок. Я спросил у Юрика – Кто это может быть? —

Он ответил:

– Не знаю, все вроде бы дома! – Подошёл к глазку, посмотрел, повернулся ко мне и, сжав губы в скепсисе, сказал:

– Всё! Вечер испорчен.

В дверь требовательно и сильно застучали кулаком, Юра закричал:

– Не стучи, Урод! Открываю!

Когда двери открылись, мы увидели в них два лица – Поповича и Натали, весёлых, пьяных и довольных, которые в один голос, отрепетировано закричали:

– СУУУРПРИЗ!!!

– Да уж, сюрприз – сказал я, сразу оценив ситуацию. И действительно, через 5 минут они уже трахались как кони в соседней с нами комнате, а мы допивали шампанское, девочки включили пуританок и сидели, недовольно поджав губки. Причём Попович, в течении вечера пару раз пробежал мимо нас мыться в ванную, зацепив по ходу движения шампанского и довольно подмигивая нам:

– Что, шампанское пьёте?! Девушки, не верьте им! Они нехорошие! Хотят вас споить, а потом заставить вступить с ними в противоестественную половую связь! Ни за что не верьте им! Верьте мне! Вот я хороший, добрый, и вообще настоящий друг! —

На что мы отвечали ему:

– Гад ты! Сволочь! Испортил нам вечер, своей «кольбой»! —

А он хихикал и опять убегал к своей, тихонько мастурбирующей, ожидающей его, юной развратнице.

Всё это я вспоминаю сейчас почему-то как картинку из детства, как цветной калейдоскоп необыкновенных событий моей шальной и прекрасной юности. Я и в дальнейшем буду строить повествование отдельными кадрами, точнее – эпизодами из фильма моей судьбы. Они могут быть не связаны между собой и цельной драматургией всего романа. Но связаны только одним – это моё прошлое.

Глава 3. Вовка Попович

Среднего роста качок, страстный любитель культуры тела, с лицом гангстера. Бездельник по жизни, как и все мы в те годы, в глазах наших, советских навсегда, родителей и любимой, коррумпированной насквозь страны. Вовка оставил в моей жизни достаточно светлый след. Я всегда считал его человеком, у которого есть серьезные моральные устои. То, что судьба в лице наших советских милиционеров постоянно обходится жестоко с ним, пожалуй, только лишь подтверждает мои представления о нём. Жизнь нас сталкивала десятком раз и, почти всегда, это были какие –нибудь приключения.

Тем летом, когда мы блуждали по вечерней Перми в поисках нежных половых партнёров на вечер, у нас с ним произошёл забавный случай, почему – то очень врезавшийся в мою память. Мы искали по городу наших знакомых автомобилистов и Юрика, которого почему – то не было дома. Мы были твёрдо уверены, что у него сегодня свободная «хата» и, что родители его на даче, следовательно, по логике – Юрик где-то на съёме. А мы, почему-то ни при делах. Зная о том, что он в любом случае появится ближе к ночи, мы бродили по городу и безуспешно пытались кого – либо зацепить. Когда время было уже часов 11, Вовка предположил:

– Слушай, давай возьмём Натали, и поедem к Юрику, они к этому времени уже приедут.

– А ты знаешь, её телефон? – спросил я.

– Да у неё нет телефона, надо ехать к ней в общагу и забирать её, пока куда –нибудь не учесала, – сказал Вовка, и, решив, что сегодня бесполезно «блукать» и искать журавля в небе, я поехал с ним.

Она долго упиралась, но благодаря нашей настойчивости, и, по всей видимости, вспоминая о величине члена Поповича, она согласилась и через 20 минут, мы уже стояли, глядя в тёмные окна Жабиной квартиры. Его всё ещё не было. Походив минут 15 вокруг дома, Вовка сказал:

– Представляешь, а вдруг они уже уехали на дачу к Романовскому и их не будет сегодня?!

Натали заныла, что мы испортили ей вечер и, что больше никогда она не подпишется с нами.

– Слушай, давай я тебя подсажу (благо 1 этаж) ты залезешь в форточку, ты же меньше меня, откроешь нам дверь, а Жаба нам простит – сказал вдруг он.

Я засомневался:

– А если «мусора», а мы в чужой хате? Влезли через форточку!?

– Да ладно тебе, в крайнем случае, они же тоже люди, объясним, что хотели уколотся с девчонкой, да и Юрик нас опознает и отмажет. Да и нет никого, посмотри вокруг, какие менты – настаивал Попович.

Картины самых разных совокуплений, с талантливой Натали, которую за короткую стрижку мы прозвали, почему – то Павликом, быстро пронеслись в моей голове, я немного помялся, и все таки решил, что он прав:

– Ладно, давай подсаживай, только быстро!!!

Вовка сложил вместе руки, я встал к нему на ладони, зацепился за раму и просунул уже оба плеча в форточку, при этом зацепившись за какой то маленький гвоздик майкой.

– Давай быстрее – зашептал Вовка – Кто-то едет, я слышу!

– Да подожди ты, я зацепился, – уже изнутри сказал через окно ему я.

Вдруг из-за угла внезапно выехали 3 машины и, как в полицейском боевике, встали, ослепив нас фарами.

– Всё, пипец! – Подумал я. – Менты! —

Да картина была однозначная. Человек, наполовину застрявший в окне, а под окном другой – с лицом наёмного убийцы и подруга, с характерной внешностью куртизанки.

Мне, разумеется, ничего не оставалось, как рвануться всем корпусом назад, что я и сделал, но к несчастью зацепил о какой – то ещё один гвоздик ухо, и выпал из форточки на землю.

Люди, вышедшие из машины, почему – то хохотали. Вглядевшись в них, я узнал Юрика, Саню Романовского, Фокса, Гадюкина и других наших коллег.

– Да – сказал Юрик – Вы вообще оборзели козлы, уже в чужую квартиру ломитесь.-

Вовка заизвинялся:

– Да ладно тебе, Жабик, не обижайся, Павлик так уколотся хотела, что мы не удержались! —

Я вытирал кровь с разорванного уха, помню, что было страшно неудобно, и я мысленно клял себя самыми последними словами. Павлик просто молчала, ей было всё это пофиг. А для остальных это было темой для хохота и злодейских подначек.

Закончилось это всё тем, что Юрик нас простил, ну а после того, как Натали с удовольствием угостила его своим телом, он совсем забыл об этом инциденте.

Да, юность была насыщенной. Жизнь была полна соблазнов, и мы с ними особенно не боролись, только сейчас, спустя 10 лет, я понимаю, что любое из наших приключений могло кончиться очень и очень печально.

Вот ещё одно из воспоминаний уже спустя 2 года после этого.

Мы работали в Алуште уже год с лишним. Вовка, за какие – то проделки был на «химии» и мы, на некоторое время совсем забыли о нём, как вдруг он появился у нас в Крыму. – Ты как оказался то здесь, ты же сидеть должен! – спросил Юрик, он засмеялся и ответил:

– Да я договорился с тёткой с одной из комендатуры, «кольнул» её пару раз, она меня и отпустила, а сама пока наряды мне закрывает! —

Да... такое могло быть только в нашей коммунистической стране. Что бы человек, будучи осуждённым, уехал отдыхать, да ни куда – нибудь, а на юг, на курорт! Мы поздравили его с находчивостью, и он остался у нас, купался, загорал и отдыхал вместе с нами.

Разумеется, мы, работая после танцев по съёму в паре с Юриком, взяли его третьим компаньоном. Правда он нас предупредил, что при любых обстоятельствах, чтобы ни случилось, мы его не видели, и, что он вообще сидит на «химии» в Перми, его здесь нет, и не было.

В один тихий Крымский вечер мы гуляли по набережной, общались с приезжими кокотками и друг с другом. Достойных «людей» не было, и мы решили дойти до городской танцплощадки, где было много народу, потому что у нас был выходной, и все наши девчонки были там.

Едва подошли, как неожиданно возле ограждения началась драка. Даже не драка, а просто избиение. Шесть или семь человек били одного, причём били очень серьёзно. Когда он упал, прыгали ему на лицо, пинали по почкам и т. д. У меня всё внутри перевернулось, включилось какое-то пермское благородство, и я сказал Юрику:

– Ури, надо помочь, его убьют сейчас!! —

Жабик мне кивнул и мы подбежали к толпе этих сопляков, пару раз кому-то «тырцнули», забыв о том, что нам нельзя никуда впрягаться, потому, что с нами Вован, а он – фактически в побеге.

Короче, пацаны разбежались и издалека начали обзывать нас по – всякому. Мы подняли паренька, и, гордые, пошли обратно к набережной, понимая, что здесь нам оставаться нельзя.

Едва мы сели на лавочке возле моря, Вовка в это время ругал нас и говорил, что мы уроды и забыли о том, что ему нельзя никуда вступать, как нас, конкретно окружила толпа человек 40 с цепями, палками и прочей подростковой атрибутикой. Вперёд вышел паренёк лет 20—22, по всей видимости, главный, и под поддержку своей кодлы, начал нас оскорблять всякими последними словами провоцируя на драку:

– Козлы вонючие! Уроды! Ублюдки! Что вы лезете не в свои дела! Мы щас уроем вас здесь! и т. д.

Мы сидели спокойно, так как Вовка нас уже накачал и мы понимали, что уже совершили одну глупость по отношению к нему, и, что сейчас, если начнём драку – во-первых: неизвестно чем она кончится, во вторых: есть вероятность, что менты уже едут сюда, а это совсем некстати ни нам, ни, уж, тем более Поповичу.

Мне в тот момент понравилось его самообладание. Он спокойно встал, подошёл к этому местному «козырному фраеру», и сказал: – Если ты ещё раз обзовёшь моих друзей или меня, я сломаю тебе позвоночник, а если ты хочешь поговорить, то давай отойдём в сторону и поговорим с глазу на глаз.

Этот герой посмотрел на его мышцы, и ему сразу стало понятно, что не стоит грубить этому человеку. Он подумал и сказал:

– Ну ладно, давай побазарим.

Вовка тяжёлым взглядом взглянул на него и ответил:

– Не побазарим, а поговорим, – и уже мягче: – Мы ведь не на базаре!?

Они отошли в сторону, поговорили минут 5 и вернулись. Пацан подошёл к нам и сказал:

– Я беру свои слова обратно, как будто это было самым важным в данный момент. Потом подошёл к своим бандитикам, что-то им шепнул, и они побрели обратно, оборачиваясь со злыми лицами.

– Что ты сказал ему? – по пути домой спросил Юрик.

– Я так и сказал, что в побеге, и что, если сейчас, не замять это дело, то я ему просто разобью башку, т.к. мне терять нечего. Я думаю, он поверил мне и сделал вывод.

Вот так и закончился этот не очень приятный вечер. После этого мы ещё больше уважали Вовку Поповича.

Следующей весной, он, полгода как освободившись, уже был почти местным в Алуште, крутил свои какие-то дела, ездил на машине со своим товарищем Фоксом, и мы как-то реже стали общаться, скорее всего, потому, что в этой жизни – каждому – своё. Где-то в середине лета, когда мы подрабатывали на пляже «Интурист» спасателями, к нам пожаловали гости. Это была смена Юрика и Билла, мы просто загорали и купались. В этот день часов в 12, к пляжу подъехали 2 машины: одна ментовская, а другая – чёрная «Волга». Из них вышли люди, причём те, что были в штатском достали из багажника «Волги» миноискатель и стали утюжить им весь пляж. Мы обалдели! Юрик спросил у милиционэра, который стоял и наблюдал за этим:

– Золото что ли ищут? —

На что он реагировал вопросом:

– А давно ли не было у вас на пляже товарищей Поповича и Фокса?

Юрик ответил, что вообще бывают раз в неделю и, что вот уже дня 3 как не было.

Менты уехали, ничего не найдя. Мы поняли, что на этот раз Вован влип уже серьёзно. И лишь через какое-то время узнали, что им дали очень большие сроки за вымогательство. Это были первые рэкетеры, о которых я вообще узнал в жизни. Это были наши товарищи, а искали менты – их оружие.

Глава 4. Юрик

Юрик – это очень занимательный персонаж! О нём надо писать романы отдельно. Я вообще собирался когда-то написать о нём книгу и назвать её что-то типа: « Убить Жабу». Человек, в котором настолько переплелись плохие и хорошие качества, с постоянной борьбой и конфликтами внутри него этих качеств, причём нередко с победой первых. Но, вместе с тем, человек с которым меня однажды свела судьба, и, с которым время от времени, я, по всей видимости, буду общаться до конца своих дней.

Прежде всего, конечно – одарённый музыкант, человек, безусловно, очень творческий, он нас, как я уже говорил, вывез в Крым и, по сути дела, – всем дал путёвку в другое измерение жизни. Относительно творческой деятельности этого гражданина можно сказать однозначно, что если бы было в каждой российской команде по одному такому Юрику, то – Россия наверняка уже давно диктовала бы миру свои стили и направления в любом жанре. Кроме того, что он очень необычный гитарист, который просто вылизывает свой инструмент и чрезвычайно бережно относится к звуку, Жабик всегда был генератором идей, причём иногда совершенно сумасшедших, но чрезвычайно интересных. В своё время мы обязаны ему тем, что группа «Визит» была одним из первых коллективов страны, которые несли в массы новое и передовое. Не было ни одного конкурса профессиональных или полупрофессиональных команд, как в Перми, так и на Украине, где бы участвовали мы и где не заняли бы 1 место. Все эти наши «Гран-при» и «1 места» были благодаря нашему энтузиазму, двигателем которого в первую очередь был, конечно, он. Особенно первые 2—3 года существования «Визита». Разумеется, всё это было с болью, с борьбой, с полной самоотдачей каждого из нас, но, тем не менее, это было так.

Относительно партнёра по сцене, для меня он всегда был и будет самым надёжным и интересным.

Но вместе с тем закон жизни, насколько я знаю, думаю достаточно объективно требует от артиста и, тем более, лидера, постоянного самосовершенствования, роста, самообразования, что никак не относится к нему. Сколько замечательных команд и людей погибло, не отдавая себе отчёта в этом. Были такие, которые просто несли знамёна впереди нашего поколения. Те, кто принадлежит к поколению советских 70-х, 80-х помнят такие группы как «Карнавал», «Москва», «Динамик», «Квадро», я уже не говорю об «Араксе» и «Машине времени». Эти команды были просто запредельными по саунду, поэзии и во всех остальных смыслах. Но, почему – то, к сожалению их продвинутости хватило ненадолго. Как – то уж очень быстро отпели они свои лебединые песни, а нынешние, жалкие попытки реанимации выглядят как – то уж очень печально. Опять а-ля запад, а-ля прошлое. Просто массами музыканты спивались у нас в ресторанах, творческий рост прекращался и до сих пор они пошло греются в лучах своей былой славы, ничего не предпринимая нового, экстраординарного, необычного. Вспомните то время, вспомните «Банановые острова», «Внезапный тупик», «К берегу которого нет» каждая программа просто сворачивала мозги у всей более – менее творческой молодёжи. Мы с нетерпением ждали новых программ, потому что знали, опять будет нечто.

Где всё это? Куда это ушло? Почему остановились? Почему стали меркантильными? Почему пустили вперёд себя всех этих ублюдков, которые развращают наш народ? Скудоумие этих мерзких деятелей просто потрясает, но обидно то, что основная масса ведь привыкла, приняла эту антиэстетику, воспринимает это как норму. Обидно то, что люди конкретно занимаются только тем, что делают деньги, деньги, деньги. На пошлятине, на КИЧе, потворствуя плебейским желаниям маргинальной био – массы. Менталитет русской эстрады становится всё более, каким то индийско-монгольским. Все забыли о том, что задача искусства – развивать, а не расстлывать.

Ну да ладно, впрочем. Это отдельная глава. Сейчас я вроде бы о Юрике начинал. Будем считать, что это просто небольшое отвлечение.

Ну, так вот. Нужно, наверное, мне его всё-таки описать, причём таким, каким он был тогда. Рост, приблизительно 177—178, вес где-то килограмм 95 – 100, волосы русые, жидкие, никогда не носил длинной причёски. Взгляд умел делать такой, отчего многие, не очень продвинутые женщины, просто таяли, особенно когда он говорил мягким, хрипловатым баритоном, очень низко и с придыханием:

– Милая... Я делаю просто сказочный массаж,... У меня очень нежные руки и большое трепетное сердце... —

И действительно, когда он трогал их, имея достаточно серьёзный опыт, они превращались в пластилин и просто текли, текли...

– А ну-ка, перевернись на спинку... – и женщина забывала про то, что она без бюстгальтера, про мужа, про ребёнка, который ждёт её на пляже, и просто млела.

– Вот умница, моя хорошая... – продолжал гадкий Свин,

– А сейчас ты меня помни, я тебя научу, я тебе буду говорить, что и как... Мадам покорно подчинялась ему и уже не удивлялась, когда он переворачивался с живота на спину, что у него расстегнута ширинка и что Юрик склоняет её к миньету.

Эти массажи были его коронкой. Кто чем, – Юрик массажами.

Внешность в юности у него была, я бы не сказал, что какая-то необыкновенная, но симпатичным и обаятельным его называли довольно часто, несмотря на «свинскость». Прямой нос, средней толщины губы, светлые глаза. Одним словом, приятный молодой человек, слегка полный, но не рыхлый. Крепкий.

Характер имел всю жизнь вздорный, я всегда предполагал, что его мама, тётя Люба, довольно много баловала его в детстве. Вот и получился такой «Мальчиш – Плохиш». Очень самовлюблённый и эгоцентричный, это переоценка собственного «Я» всегда мешала и ему и нашему общему делу. Единственным человеком, который всегда говорил ему это в глаза, был и остаюсь я, по всей видимости, именно поэтому мы так с ним и спелись по жизни.

На сцене мы занимали с ним весь центр, ближе к правому углу, если стоять лицом к зрителю. Энергическая мощь нашего воздействия была настолько сильна, что многие, ещё тогда, когда мы работали на танцах, просто стояли и смотрели на то, что же мы там вытворяем. Все это, разумеется, знали и работали так, что женщины были очень довольны. О, женщины! Самый благодарный зритель, самый чуткий слушатель, Самый нежный критик! Мы иногда мечтали, что если развести по 4 углам зрительного зала костры из конопли, то это будет такой концерт, ради которого многие отдали бы все свои деньги. Когда стоишь на сцене и видишь эти глаза, когда чувствуешь, что они уже готовы отдать за ночь с тобой пол – жизни, пусть это чувство в данный момент, сейчас и только сейчас, что же может быть сильнее этого ощущения повелителя, самца и полубога! Пусть только 3 минуты, во время этой нервно – паралитической песни ты чувствуешь, что владеешь этими глазами, что ты имеешь их, что происходит совместный оргазм совместного творчества. Какое из наслаждений может быть сильнее этого?!?

После работы, мы с Жабой были твердо уверены в том, что кто-то из этих «голубок» обязательно будет выходить из зала в последнюю очередь, надеясь на наше расположение.

– А вдруг я ему понравилась, вдруг мне удастся с ним познакомиться, вдруг он подойдет! —

И, разумеется, мы часто удовлетворяли постоянно растущие половые потребности населения. Или я, или он спрыгивали со сцены и нежно произносили:

– А нельзя ли Вас на минуту? —

Ну а дальше – исход предугадывался. Таким образом, у нас не было проблем сексуального характера в этом замечательном городе. Мы часто устраивали лунные купания, которые переходили в оргии с юными вакханками, с которыми познакомились лишь час назад. Да, такому

количеству эротики – музыкальных ночей, я думаю, может позавидовать каждый «лабух». Да что там «лабух». Я уверен, что 8 из 10 мужиков в этой стране, получивших ханжеское комсомольское воспитание в юности, до сих пор даже и не представляют, то такое бывает вообще. Это как вьетнамцы. Говорят, что они всю жизнь копят деньги, для того, чтобы сходить один раз во Дворец Удовольствий, где они имеют всё что хотят и в любых количествах. А наши бедные мужики даже этого лишены. Имеют только одно: Работа, дом, нелюбимая жена, которая даже не подозревает, что лучше бы мыться каждый день, а не только в субботу, не говоря уже о контрацептивах и миньете, пучок детей, газета, футбол по телевизору, разливное разбавленное пиво по выходным, как подарок судьбы, товарищи, не отличающиеся друг от друга даже качеством мата, вечно недовольная теща, пахота до кровавых мозолей на клочке рыжей земли, снова работа, снова толстая, целлюлитная, обрюзгшая почему-то очень быстро, ... ах как это неожиданно, ... супруга.

Да.... бедолаги! Жаль мне вас, честное слово, жаль! Скверно ведь, когда даже воспоминания не дают радости и не побуждают хоть что-то попытаться изменить в этой, сочинённой каким – то уродом для вас, жизни.

Было у нас с Юриком несколько совместных случаев, не рассказать о которых я просто не имею права. Один из них произошёл ещё до нашей поездки в Крым. Он даёт очень серьёзную характеристику Жабе, как человеку достаточно безнравственному и способному на очень серьёзные, с позиции общечеловеческой морали, хамские, по отношению к друзьям, вещи.

Мы работали во Дворце культуры, на танцах. Была зима 84 года. По какой – то причине в этот вечер те, кто должны были провести с нами ночь не пришли, и мы уже вот-вот могли остаться одни, в субботу, что для нас было бы очень печально, т.к. гормоны требовали своего. Свин подошёл ко мне после 1-го отделения и сказал:

– Сергей, мы пролетаем, если не позвоним кому-нибудь в эти 10 минут. Я «своим» уже звонил. Слишком поздно, все заняты. —

Я подумал и ответил:

– Есть у меня одна девочка, но предупреждаю – это старая любовь. Я ей позвоню и скажу, чтобы она взяла подружку.

– Давай звони скорей, не переживай, всё будет клёво! – сказал он и я пошёл звонить.

С этой девочкой мы долго дружили и нежно любили друг друга ещё совсем недавно, и, кто знает, возможно, наша разлука была лишь только размолвкой, так думал я. Как-то очень удачно я договорился с ней, и после танцев мы уже ждали их в холе дворца. Она появилась с невысокой брюнеткой, мы познакомились, взяли водки и поехали к кому-то на квартиру. Когда там я выпил пол – стакана, я понял, что поплыл. Знаете, бывает такое – иногда бутылку можешь выпить легко, и не вспоминая на следующий день об этом, а иногда просто – бац! и удивляешься сам себе. То ли это погода, то ли атмосферное давление, то ли луна не в той фазе. Одним словом после второй дозы я понял, что мне сегодня, наверное, не до сексу. Когда проснулся, очень удивился тому, что со мной рядом никого нет. Я пошёл в другую комнату и увидел свою любимую, скачущую верхом на Юрике, стонущую и охающую от наслаждения. Когда она увидела меня, то, уверяю вас, ей это было не совсем приятно. Юрик же, узрев меня, победно заржал и сказал:

– Вот так, Сергей, и бывает в жизни. Любимые изменяют, друзья предают! —

Я ему ответил, что очень рад за него и за неё, и ушёл домой, благо жил неподалёку. Мне было страшно неприятно и больно, я понимал, что наступает взрослая жизнь и что поделать с этим ничего нельзя....

Как выяснилось потом, Юрик знал, что водка «бодяжная», потому, что покупали мы её у его знакомых. Получилось так, что мы с ней вдвоём напились, а её подружка устроила истерику, сказав, что со Свином она спать не будет. Юрик, (хочу заметить, выпивший этой водки только глоток, т.к. знал, что это чревато) быстренько проводил подругу и, когда пришёл, –

увидел, уже готовую, сидевшую с поникшей головой на кухне мою любимую, заглянул ко мне, убедился, что я сплю, и разумеется, проводил эту пьяную женщину спать, только не ко мне, а в другую комнату, к себе. Там её развёл на массаж, ну и она, будучи не совсем в себе, конечно, повелась и на всё остальное. Ну, а когда немножко протрезвела, то уже обнаружила себя сидящей на чужом члене, и ей ничего не оставалось делать, кроме как кончать. Вот такая вот вышла история, довольно банальная, но врезавшаяся в мою память.

Спустя много лет я как-то сидел в ресторане «Урал», куда зашёл случайно, и увидел знакомое лицо, в тусовке каких-то серых личностей, по всей видимости – мелких воров. Я её сразу узнал, но, боже мой, как же она изменилась. Как пишут в романах: Её глаза потухли, и кожа стала дряблой. Из молоденькой яркой блондинки с ямочками на щеках и тугой грудью она превратилась в какую-то совершенно безликую, сутулую женщину, державшую в руке бокал с вином, по всей видимости – не первый.

Да, годы идут. Время не щадит. Да и люди сами себя.

Юрику этого я никогда не забуду, разумеется, хотя впоследствии сам я старался всегда не вспоминать об этом. Просто, наверное потому, что то, что для меня было обидным и горьким, для других людей не было таким уж серьёзным.

О воспитанности Жабика у меня есть ещё один достаточно показательный рассказ.

На этот раз, с вашего позволения, нырну на 3 года вперёд. Дело было в Алуште, в феврале. Стояла отвратительная погода, мёртвый для этих мест сезон. Дожди пополам со снегом, мерзкая слякоть, полное отсутствие людей на улицах после 6-ти вечера, отвратительный ветер с моря загонял всех па хрущёвским норам.

Я приехал на каникулы из института к своим друзьям – музыкантам и сразу заболел ангиной. Забегая вперёд, необходимо сказать, что я уже имел супругу, учился в Институте Культуры, руководил самодеятельным ВИА в своём городе. Но постоянно, естественно, я был мысленно с ними и, при первой же возможности прилетал к своим друзьям музыкантам, которые оставались в Крыму и зимой. Добавлю, что учёба в институте мне давалась довольно легко. Я знал к кому, куда и в каком галстуке нужно приходить на экзамен. Все сессии, вследствие, наверное, недостаточной подготовленности моих преподавателей и моей, достаточной для них эрудиции, я сдавал всегда досрочно. А приезжал тогда, когда уже все давно учились. Мне всё это удачно сходило с рук, и поэтому на юге я находился 6—7 месяцев в году.

Так вот, я заболел ангиной, а они лечили меня как могли. У меня было паршивое настроение, короче нужно было что-то менять в жизни, как-то отвлечься. Я достал свою записную книжку и наткнулся на телефон одной моей приятельницы, которая жила недалеко от курзала. Это была 19 летняя дочка одного московского генерала в отставке, у которого была квартира, и в Алуште мы с ней познакомились случайно летом и просто иногда беседовали не более того. Не надеясь на то, что она в Алуште, я позвонил, и к моей радости трубку подняла она сама. Она очень обрадовалась моему звонку. Я ей сообщил, что на каникулах, что болею ангиной, что мне скучно и очень хотел бы увидеться. Она, в свою очередь мне сказала, что за плохое поведение её сослали из Москвы на каникулы сюда, в Алушту, что тоже полная «лажа», что она рада меня слышать, и, что готова заняться моим лечением. Назвала адрес и предупредила о том, что будет не одна, к ней придёт подруга Лариса, очень милая девочка. Я спросил, а не будет ли она возражать, если я приду с милым мальчиком Юрой, тоже музыкантом. Получив согласие, в полном восторге положил трубку.

– Жаба! Танцуй! Мы идём в гости к дочке генерала и её подружке! – сказал я Юрику.

Мы умылись, подушились подмышками, оделись понаряднее и пошли. Юрик, что не похоже на него, разволновался, застеснялся и, уже в лифте, сказал мне:

– У меня от волнения даже писька уменьшилась.

Я его успокоил и сказал, что, судя по Оле, подружка тоже должна быть клёвой.

Они встретили нас, очень радостно, и непринуждённо. Лариса оказалась очень изящной, фигуристкой, тоже 19 – летней, девочкой. Вообще, они как-то очень походили друг на друга, хотя одна была из Москвы, другая – из Алушты. Обе в шортиках, стройненькие, с выпуклыми грудками и острыми сосочками под лёгкими маечками, умненькие и разговорчивые. В квартире было тепло, мы разделись до рубашек и огляделись, пока они на кухне что-то вытворяли. Это была очень неплохо обставленная, трёхкомнатная квартира. Всё было подобранно с достаточным вкусом. Во всяком случае, было видно, что обстановкой занимались не мещане! Не было этих традиционных гробов – стенок и ковров над диваном, а была изящная, обитая кожей мебель и светлые, совсем без рисунка, импортные обои, очень красивые светлые шторы и хороший телевизор, типа «Соньки». Везде было очень чистенько и красивенько. Во всяком случае, Жабе квартира сразу понравилась:

– Сергей, надо тебе разводиться и жениться, хата классная! – констатировал он.

Девочки приготовили дивный стол. Они сделали спагетти с соусом из красного вина, достали бутылку португальского портвейна и фрукты после горячего.

Я им сознался, что уже практически здоров, и мы мило начали общаться на разные темы, всё ближе и ближе приближаться к эротическим.

Когда мы уже занимались любовью с Олей, к нам зашла в комнату Лариса, ничуть не смущаясь, подруги Оли, которая с увлечением делала мне изумительный миньет. Она села рядом с нами в кресло и тихо сказала:

– Ты знаешь, Сергей, вот первый раз со мной такое, я всё понимаю, но почему-то совсем не хочу спать с твоим другом, не возбуждает он меня!

Я очень удивился и очень настойчиво попросил всё – таки быть её с ним нежной, при этом всячески расхваливая его как человека и настоящего товарища. После этого надел халат и пошёл к Юрику.

– Жаба, она не хочет тебя, что-то я тебя не узнаю. В чём дело-то? Спросил я его.

– Не знаю, я, и сам понять не могу – может я толстый или некрасивый – ответил он.

– Короче, я сейчас с ней ещё раз поговорю, а ты уж будь с ней понежнее, – сказал я и пошёл обратно к девчонкам.

Лариса, с явной неохотой, после моих увещеваний и просьб, отдалась таки Юрику, отдалась мало того и анально, от чего он был в полном восторге. Через час мы курили на кухне с ним и делились впечатлениями. Он едва не хрюкал от радости.

Утром мы с Олей встали, разбудили этих голубей в соседней комнате и стали готовить завтрак на кухне. Минут через 10 к нам зашёл уже одетый Жабик и, по всей видимости, уже собирался уходить.

– Ты что пошёл уже? – спросил я его;

– Да, пора уже, ты идёшь? – ответил он

– Да нет, я не спешу – удивлённо сказал я, и продолжил – Ты хоть позавтракай, Жабик! Он был весь, какой то недовольный, со злобенькой гримасой на лице.

– Да нет, спасибо, я вчера уже поел – он повернулся и пошёл к дверям. Открыв двери, он задержался на пороге, повернулся к нам, провожающим его, и сказал:

– Ну ладно, спасибо за всё, в курзале увидимся – После этого повернулся, немножко как-то присел, очень громко пукнул на весь подъезд и пошёл себе вниз.

– Да – сказала мне Оля. – Ну и друзья у тебя. Ничего не скажешь. Серьёзное чувство юмора.

Мне было очень стыдно за свой смех после громкого пука Жабы. Я, разумеется, извинился за товарища, а когда вышла Лариса из спальни и услышала рассказ об этом Жабьем уходе, она сказала:

– Это он отомстил так за то, что я не сразу перед ним ноги раздвинула. Передай привет этому Алену Делону, когда встретишься с ним.

Девчонки были просто классные, они очень спокойно и с юмором отнеслись к выходке нашего Юрика, а после того, как Ольга ушла в магазин, мы с Ларисой уже во всю целовались. Когда Оля пришла, у нас была просто дивная любовь втроём, причём мастерство каждой из них было на высочайшем уровне.

Такие девчонки не забываются никогда. В свои совсем юные годы, благодаря тому, что судьба дала им светлые головы, способные думать, они относились к сексу, как к высочайшему из наслаждений и поэтому были восхитительны и эрудированны в нём. Хотелось доставлять им радость и радоваться вместе с ними. Чрезвычайно чистоплотные и ароматные, эти две кошечки могли украсить любой гарем мира, любую постель мира, любого мужчину. К сожалению не все наши женщины настолько подготовлены интеллектуально к любви, чтобы их можно было воспевать так, как поэты всегда воспевали жриц этого красивейшего и достойнейшего из призваний этих великих существ – женщин.

Ну а что же наш герой? А Юрик пришёл в курзал, к нашим любопытным музыкантам и, в ответ на вопрос:

– Ну как там всё, было? – ответил в своей манере – Полное говно!

Это я узнал от ребят, когда пришёл вечером. Вот такой вот товарищ у меня. Человек легенда, а не Юрик!

Ныне избалованный, толстеющий, стареющий, брюзжащий, ворчливый сукин сын, который если не предпримет что-нибудь кардинальное в своей судьбе, то даже и не знаю, чем это всё может кончиться, но думаю, что ничем хорошим. Но всё – таки, несмотря на все его минусы, надеюсь на то, что появится в его жизни и его душе музыка, которая вот ещё немного и уйдёт оттуда совсем. Если уже не ушла...

Странная, странная штука жизнь. Нам словно бы даются какие-то серьёзные шансы на то, чтобы полностью самореализоваться на этом определённом этапе, но вместе с этим какими – то непонятными, сверхъестественными силами постоянно чинятся очень и очень сложные препятствия, которые мы, чаще всего не в состоянии преодолеть. Постоянно что-то отвлекает нас от главного, постоянно мы сами создаём себе обстоятельства и проблемы, из которых сами же потом с трудом выпутываемся, если выпутываемся вообще. Дьявол это, дьявол... А мы, дураки, ведёмся!

Глава 5. Институт

Из армии я пришёл с твёрдым намерением поступать в Институт культуры. Почему именно туда? Потому, что знал совершенно убеждённо – дальнейшая моя жизнь будет связана только с шоу-бизнесом. Для этого у меня были определённые, серьёзные задатки всегда. Да и предармейская моя жизнь, когда я разрывался между заводом, куда постоянно и настойчиво толкал меня отец, и работой музыкантом в ресторане, разумеется, оставило определённый след в моём сознании. Одним словом, сразу же на третий день своего пребывания на гражданке, я подал заявление на подготовительный факультет Пермского Института культуры, куда и был моментально зачислен. Я, наверное, легко был бы зачислен на «рабфак» любого вуза города, т.к. к армейцам всегда отношение было достаточно почётным.

Благополучно отучившись, год, меня, уже первокурсники, направили на традиционные сельхоз – работы. Колхоз назывался «Красный Урал». Само название говорит о разрухе, пьянстве, грязи и страшной неорганизованности местных жителей. Ежегодно они с нетерпением ждали студентов, потому как убрать свой урожай картошки, что всегда делалось практически вручную, им явно было не под силу. Нас в колхозе было, наверное, человек 60. Из них только 5—6 человек были лица мужского пола. Само собой разумеется, быстро разобравшись в обстановке, как человек чрезвычайно деятельный, всех пацанов я легко «поставил в стойло», потому как это были совсем ещё молоденькие, не видевшие ни тяжёлой работы, ни армейской жути, с белыми ручками, женственные ребятки, которых их мамы устроили в творческий ВУЗ. Договорившись с председателем колхоза, я создал бригаду грузчиков и заработал за месяц, по отдельным, только для этой бригады нарядам, приличные деньги. Правда, т.к. работа была довольно тяжёлой, а контингент мой явно не приспособленный к такой работе, не обошлось без эксцессов. Двое работников сбежали от меня, т.к. иногда приходилось будить их старыми армейскими приёмами, т.е. просто переворачивая. Но зато вместо этих граждан, которые жаловались в городе на невыносимые условия труда и на деспота – бригадира, т.е. меня, прислали 2-х армейцев, нормальных людей. Один из них был танкист – саксофонист, впоследствии – мой близкий товарищ – Марат Парамов. Вместе с этим человеком мы учились пять лет и претензий друг к другу не имели. Когда я задерживался в своём Крыму, он всегда помогал мне, придумывая различные истории о том, что я в больнице, или на гастролях, всегда «отмазывал» меня. У нас была достойная мужская солидарность. Это касалось и конспектов и посещения лекции и совместных половых приключений в институте. Дело ещё и в том, что в группе из 25 человек, нас, мужчин было всего 3. Это были – я, Марат и Мелик Пудукчан, милейший, добрейший человек из Армении, которого мы всегда опекали и любили за его бескорыстный и спокойный характер

Девчонки были, в основном, приезжие – бывшие десятиклассницы и, в общем, достаточно простые. Вместе с тем, многие, уже ближе к 3—4 курсам начали настолько быстро формироваться в зрелых самок, что мы просто ежегодно удивлялись, глядя на них. По всей видимости, это происходило, благодаря процессу полового созревания и тлетворному влиянию города. На 4 курсе большинство из них уже имели серьёзные представления о том, что и куда вводится. Почти все курили и любили шампанское. К нам они относились очень хорошо, и мы, в свою очередь, старались не обижать ни словом, ни делом. Иногда, в конце занятий я вставал и говорил:

– Милые и горячо любимые мои! Ставлю вас в известность, что сегодня вечером иду на оргию! Поэтому, завтра на семинаре меня не будет! Прошу сообщить преподавателю, что занимаюсь общественным поручением! —

Они смущённо хихикали, говорили всё как нужно, а на завтра кто-нибудь из них смущённо, полусерьёзно – полусерьёзно с детским любопытством, спрашивал:

– Ну, как оргия вчера, Сергей? —

На что, не мудрствуя лукаво, я отвечал:

– Спасибо, всё в порядке! Ваш папа был на высоте! —

Они все удовлетворённо хихикали, прикрывая ротики ручками, и мы продолжали дружить. С преподавателями, в принципе, всё происходило, достаточно просто. Поднаторев ещё в школе в умении задавать каверзные вопросы, я иногда ставил их в тупик. Зачастую, они были несложными оппонентами, т.к. в недавнем прошлом, закончили аналогичные ВУЗы и особыми научно – проникновенными знаниями не обладали. Куратором у нас была, достаточно молодая ещё, преподавательница каких-то общественных дисциплин, Козолова Луфина Павловна. Между нами была негласная договорённость не задевать личных амбиций друг друга, что мы и делали, поэтому отношения были неплохими. С глубоким уважением вспоминаю единственного преподавателя, действительно от бога, профессора Святкина. Он заведовал кафедрой психологии в институте. Как-то раз я попробовал отнестись к его предмету беспечно и сдать нахляву, досрочно, полагаясь лишь на своё обаяние и эрудицию. Вот что из этого получилось.

Я подошёл к нему и сказал, что мне необходимо срочно уехать на гастроли. Вследствии этого спросил, не смог бы он принять у меня экзамен досрочно? На что он мне положительно ответил и назначил день. Я пришёл в назначенное время, взял билет, понял, что ни «бельмеса» и подготовил речь. Выслушав меня внимательно, он посмотрел мне в глаза., взглядом взбешённого пса и спросил:

– Ты что, придурок, за мудака меня держишь?

Бросил мне билет и продолжил:

– Придёшь вместе со всеми! – развернулся и ушёл.

Я понял, что с этим мужиком у меня халява не прокатит, достаточно серьёзно подготовился, и, придя на экзамен со своей группой, сдал на 4.

– Если бы ты не был у меня раньше, поставил бы 5! – сказал Святкин, и, я сразу зауважал его, как объективного и принципиального человека и преподавателя. Кстати, спустя год, он ушёл из этого идеологического ВУЗа со страшным скандалом, который устроил нашей ректорше. По всей видимости, эта женщина, которая сделала себе карьеру не только на «марксизме – ленинизме», достала его, уважаемого, в нашем городе, учёного.

Когда он уходил, многие студенты слышали его гневный голос: – Я знаю, каким местом ты своё кресло ректора всю жизнь зарабатывала!

На что она визгливо отвечала: – что, это мол, не его дело, и, что она, мол, не потерпит у себя в Институте, таких хамов беспартийных!

Да! И не потерпела. Профессор Святкин ушёл в медицинский, а она, благополучно пережив 3-х или 4-х правителей этой страны, очень долго, насколько я знаю, руководила в этом институте.

С этой женщиной я встречался только один раз, на распределении, но оставила определённый след в моей памяти.

Распределение происходило таким образом. В кабинет, в котором сидело уже 6—7 ведущих преподавателей института и куратор группы, приглашался студент. Он уже был ознакомлен с предполагаемыми местами своей дальнейшей работы, причём в основном это были какие-то непонятные, ссыльные места. Клубы и Дома культуры в заброшенных деревеньках, куда естественно никто не хотел ехать. Свободное распределение давалось 2—3 человекам из группы, по очень серьёзным, как бы смягчающим вину, обстоятельствам. Разумеется, все очень хотели иметь свободное распределение, но не всем его давали. Собрав необходимое количество справок и бумажек, т.е. тех необходимых аргументов, которые требовались, заручившись моральной поддержкой зав. кафедрой, я вошёл в этот кабинет и сел в углу, как на допросе. Зав. Кафедрой встал, поправил очки и, глядя в лицо ректорше, сказал:

– Студент Русских, претендует на свободное распределение, все необходимые документы предоставил, причины такие-то, такие-то.

Эта старая дева, нервно опершись руками на стол, вскочила и стала ходить по кабинету, дёргая свой пышной в перманенте, головой:

– Я знаю, что у товарища Русских продуманно всё уже с 1-го курса! – Воскликнула она. Я подумал – как бы в обморок не упала, курва!

Она продолжала:

– У таких, как он – нет никакого патриотизма и совести! Такие, как он едут работать куда – нибудь поближе к морю и солнцу; а не поднимать культуру в наших деревнях!...

Она говорила минут 5 довольно мерзкие и оскорбительные слова, по всей видимости, просто для того, чтобы показать, какая она патриотка, жёсткий руководитель и как она любит нашу бедную, страдающую без таких, как я, деревню.

Когда она закончила, я спросил:

– Извините, я могу идти?

– Идите! – гневно ответила она, и я вышел, уверенный в том, что мне все – таки дадут свободный диплом. Так и получилось, разумеется.

Мои товарищи тоже, в принципе, были довольны своим распределением. Все прекрасно понимали, что всё это бред сивой кобылы и никто, разумеется, так и не работает в этих дальних деревеньках за копеечные зарплаты. Согласитесь, что каждому ведь своё на роду написано. Если б у меня были другие гены, другое воспитание и ещё целый набор других качеств, возможно, меня и устраивало бы то, что предлагала мне тогда эта коммунистическая страна.

Позже, как это ни странно, в Испании, я столкнулся с деятельностью одного из периферических отделов культуры, но об этом я расскажу в другой главе.

Своей учёбой в институте, я в принципе доволен. Те знания, которые я хотел получить, конечно не получил, если учесть что из 60—70 предметов, изучаемых нами, 40—50 были основаны на «марксистско – ленинском» учении и были просто не нужны, как сейчас выяснилось. Кроме того, преподавание и требование к учащимся были очень слабыми, поэтому те, кто хотел учиться и самообразовываться – занимались самостоятельно. Положительные моменты в процессе обучения, разумеется, были. Я очень признателен педагогам английской кафедры, впоследствии это мне, ой, как пригодилось, и, институтской библиотеке, где я прочитал очень много, интересующей меня литературы, начиная с Ренуара и заканчивая Марксом и Борхесом. Кроме того, сам процесс общения, то, что называется студенческой жизнью, естественно не обошли меня стороной и оставили целый ряд приятных воспоминаний. Бог нас ведёт и не исключено, что если бы моя студенческая жизнь была бы сложнее, чем была, то неизвестно как бы сложилась моя деятельность там, на юге, неизвестно как бы это отразилось, на мои взаимоотношения с тем миром, который был мне достаточно дорог. Поэтому я с нежностью и с улыбкой вспоминаю свои студенческие годы.

В моей памяти осталось несколько случаев из разряда вон выходящих, которые произошли в нашем Институте и о которых долго вспоминали студенты.

Ещё в те времена, когда я был студентом подготовительного отделения, к нам приставили преподавателя истории очень странного молодого человека. Это был высокий очкарик, чрезвычайно нелепого вида. Он постоянно, почему-то был какой – то неухоженный, с грязными когтями, с перхотью на плечах, в нелепых костюмах и страшных, будто в них уже трое умерли, ботинках огромного размера. Знания имел уникальные, был преданно влюблён в свой предмет и рассказывал без записей целыми главами, причём всегда, опираясь на факты, высказывал свою, достаточно интересную точку зрения. Внешне впечатление производил чрезвычайно отталкивающее, но так как был очень демократичен со студентами, и так как был чрезвычайно интересным рассказчиком, ему прощали даже то, что он имел обыкновением сидя перед группой, ставить ноги на стол. В итоге мы все знали каждую выбоинку на подошвах его

далеко не новых, единственных ботинок. Эта привычка постоянно забрасывать, куда то ноги, однажды, чуть не привела к очень неприятных для историка, последствиям. В целях более близкого знакомства мы пригласили этого демократа как-то в общежитие института. Он пришёл часов в 8 вечера, мы уже собрались там, предварительно накупив дешёвой тогда, водки. Сначала он активно отказывался, говоря, что предосудительно выпивать преподавателю со студентами. Но молодость взяла своё. После первой рюмочки была и вторая, и третья. В итоге историк напился, разревелся и всем нам стал рассказывать про свою, постоянно изменяющую ему супругу. Мы тоже были слегка выпившие, все его жалели и сочувствовали. Когда он сказал, что вот и сейчас он пришёл к нам только потому, что к его жене пришёл любовник, и они выдворили его из его же собственного дома, кто-то из нас, не помню кто, предложил наказать любовника и восстановить справедливость. Мы подхватили этот боевой призыв и решили тут же съездить, разобраться с этим гадом.

Таксист долго не хотел садить пятерых, явно не трезвых молодых людей, но мы пообещали ему денег и поехали. Вот тут – то историк и поплатился за свою привычку забрасывать куда-нибудь повыше свои ноги. Его укачало, по всей видимости, на заднем сидении авто и захотелось ехать более комфортно, для чего свои нескладные ноги он начал забрасывать на плечи водителю. Водителю, естественно, это не совсем понравилось и он, остановив машину, выскочил с монтировкой, открыл задние дверцы, и вытащил за шиворот нашего героя. Так как реакция у нас была довольно замедленной, прежде чем мы выскочили из машины, таксист успел пару раз огреть историка по спине. А как только мы бросились спасать нашего друга, он прыгнул обратно в машину, обматерив нас пару раз для порядка, и уехал.

Мы подобрали из снега нашего преподавателя, который мычал что-то невнятное и, уже пешком, благо было уже недалеко, довели до его квартиры.

Желание что-то выяснить с его врагом – любовником и вмешиваться в чужую личную жизнь у всех пропало. Посадив историка возле двери, позвонив в звонок, мы уехали с чувством выполненного долга. После этого случая наш любимый демократ – преподаватель так и не появился в институте, по всей видимости, устыдясь своего поведения наутро.

Вот такие вот персонажи появились сразу же у меня на глазах, едва я только начал постигать разумное, доброе, вечное.

Ещё один странный гражданин был у нас преподавателем по обрядам и фольклору через 2 года.

Его фамилия Чустов. Человек – робот мы прозвали его с первых же дней занятий. Он имел библиографические знания по своему предмету. Как компьютер просто сыпал цифрами и фактами, никогда не заглядывая в книгу. На столько все эти данные были выучены в своё время, что для него не составляло труда часами говорить фамилии, цифры, города и даты. Он тем и был неинтересен, что вёл свои занятия как механизм, даже голос имел какой-то скрипуче – механический.

Сошёл с ума после года работы в институте! Причём забрали его из колхоза, где на уборке картофеля он разделся догола, закопал свои вещи в землю и начал отплясывать ритуальные танцы народов Севера. Вот уж воистину – горе от ума! Про таких говорят: – Головка не справилась!

Еще была у нас студентка – депутат районного совета. Достаточно симпатичная и обаятельная, судя по карьере в столь молодые годы, была очень перспективным кадром. Одна беда – фамилию имела – Нагуляева. Ну и соответствовала фамилии загуляйным не на шутку образом жизни. После неоднократного вытаскивания её из постелей в гостиницах, милиционеры порекомендовали всё-таки отчислить её из института. Да мало им таких случаев случается в жизни любого ВУЗа. Всех не перескажешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.